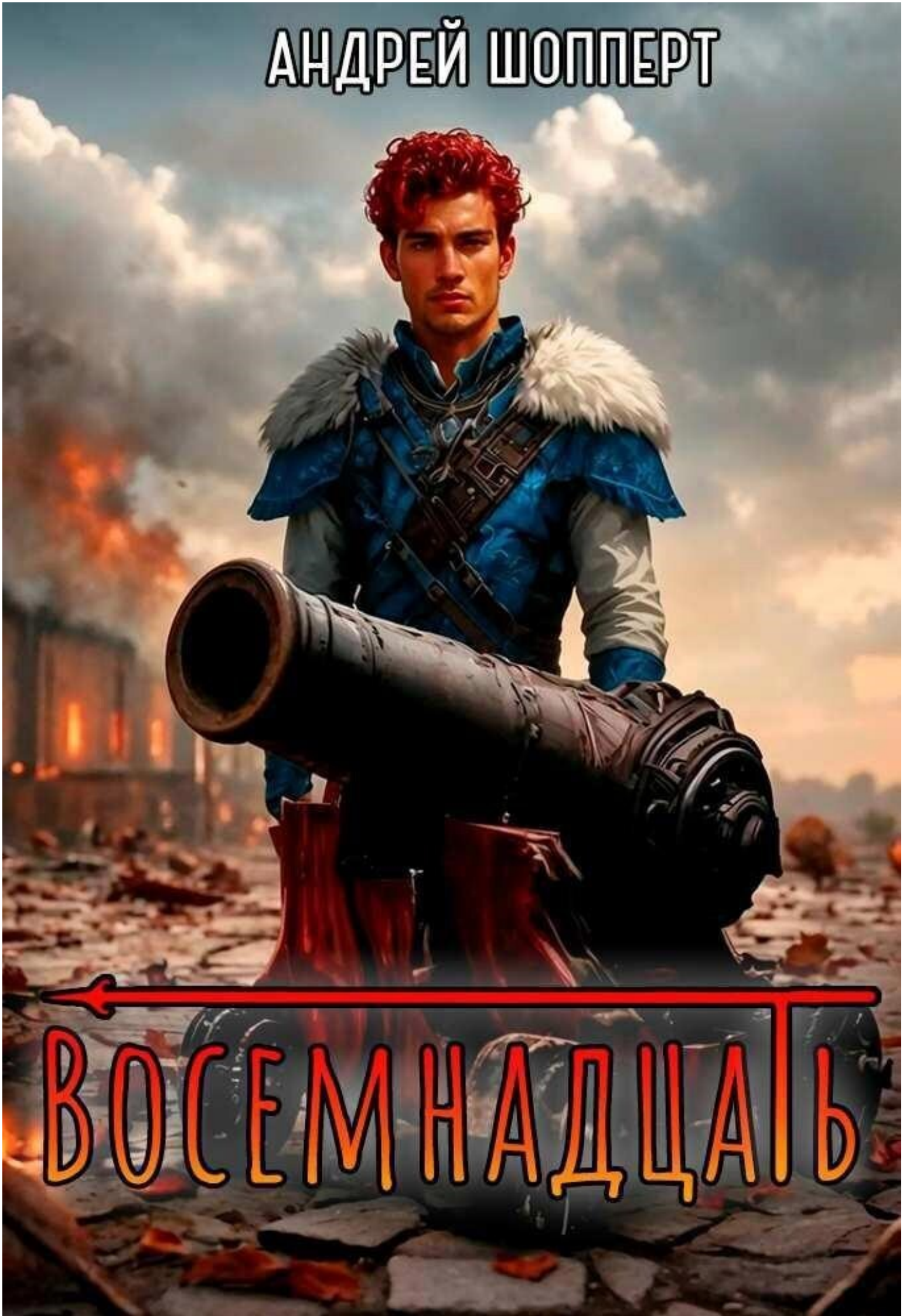

АНДРЕЙ ШОППЕРТ
ВОСЕМНАДЦАТЬ

Тринадцать (Шопперт)

Андрей Шопперт

Восемнадцать

«Автор»
2026

Шопперт А. Г.

Восемнадцать / А. Г. Шопперт — «Автор», 2026 — (Тринадцать (Шопперт))

Касьян Иванович вновь пытается остановить нашествие Орды. И сразу загоняет себя в мышеловку.

© Шопперт А. Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 25
Глава 6 30
Глава 7 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Андрей Шопперт
Восемнадцать

Глава 1

Событие первое

Бесплатный сыр только в мышеловке? Нет, это про другое. Но, что это мышеловка – тут чего гадать. Самая настоящая. Сам себя Коська в неё загнал. Зачем загнал? И не сказать, чтобы конченный дебил, так полудурок. Хотя даже вот и сейчас, стоя на барбакане мышеловки, Коська план, который его с войском сюда загнал, признавал вполне действенным. Да чего там, здоровским был план. Планище. Куда там Барклаю. Он позволил всему отряду ростовскому оказаться практически в тылу у татаро-рязанского войска. Иван Владимирович Пронский наступал от Рязани на Серпухов по прямой, и Коломна осталась если не в тылу, то на самом юго-востоке наступающих сил, на правом фланге. И татары с рязанцами, сосредоточив все силы на Серпухове, Коломны не тронули. Хотя Коломна ближе к Переяславлю-Рязанскому, и руководи Константин Иванович вражьим войском он бы двинул его как раз на Коломну. Но нет, те двинули на Серпухов. А Коська даже не в самой Коломне был, а в форте, где в прошлом году ещё порох делали, да даже зимой этого года ещё делали. Форт все два года расширялся, строился, обрастал пристроями. Потом забор переносили и пристрои оказывались внутри форта. Правда, из-за этого две сторожевые вышки оказались внутри ограды и только башенки над барбаконом и новую башню на противоположной, ближней к реке стороне форта, можно теперь назвать рубежами.

Пять сотен ратников без малого и сто повозок с возчиками, естественно, даже увеличившийся форт вместить не мог. В… крепостцу с трудом можно было загнать половину телег и сотни полторы всадников. Да и то, уже понятно, что в такой тесноте – это не войско, а мишень.

Демид, Андрий и Касьян, который брат Касторий, со своими партизанами и лучниками ушли в дозор, а остальной люд и вои и возчики и жители двух соседних селищ принялись за строительство засек.

Противу конницы ведь огромных каменных стен не нужно, два сосны или ели положенные параллельно и ещё одна треугольником на них уложенная и всё, генуг гегенубер, никакая конница не пройдёт, а лучники – стрельцы, стоящие за этими елями или соснами с нашенской стороны, отобьют у желающих спешиться татаровей охоту эту самоубийственную. Тут нужно несколько сотен, а то и тысяч этих пешцев, лезущих на загородку одновременно.

И что? Чем план плох? Есть база в тылу у противника и высылай себе спокойно спецназовцев на мелкие нападения на ворога и обязательно, чтобы ворог погнался за пятью, скажем, партизанами «отмороженными» и налетел на пять десятков лучников и полтора десятка «партизан» с пищалями, луками и арбалетами, да и не всё, даже с тремя кулевринами. А если татаровей уж совсем много, что невозможно почти, то отступят к форту. А тут ещё четыре сотни воев и две из них уж точно лучше даже нукеров экипированы и подготовлены.

Не, план был вполне рабочим. Басурманов и ренегатов в сумме всего восемь тысяч и их количество расти не может, может только уменьшаться. Не придёт ни смена, ни подкрепление.

И тут, как всегда, Господь на небе, наверное, вон за тем облаком скрывающийся, услышал про планы Коськи и решил посмеяться. Какой-то мелкий разъезд степняков подскочил к Коломне и народ, шедший из окрестных селищ и деревенек туда под защиту стен, увидев поганых, развернулся и дернул в лес. И Господь направил их прямо к пороховому заводу. А

тут крепость строят, воев больше, чем в Серпухове и Коломне вместе взятых, да ещё целый князь имеется и четыре опытных хельга с ним. И продуктов у того князя хоть… много.

Бамс и число обитателей форта удвоилось. Бамс и утроилось. Бамс и человек… тысячи две точно. И скот ещё, и телеги. И татаровья на хвосте.

Понятно, что поганых перебили, да вот только не всех. Их два отряда было по сотне человек, ну, сотня полегла. Остальные ушли. И теперь, сто процентов, вернутся с подмогой басурмане.

Плюс только один, вместе с полутора тысячами ртов прибыло примерно четыре сотни правых рук, способных держать топор. И примерно семь сотен спин, через которые можно перекинуть верёвку, чтобы тащить ель или сосну.

И командиры есть, и топоры есть и даже лошади, чтобы помогать деревья тягать. Коська, как мог, строительство Ноева Ковчега сухопутного наладил, а сам стоял на барбакане и плевался, такой замечательный план был… и превратился в мышеловку. Теперь в случае подхода серьёзных сил ренегатов с татарами не уйти, теперь гражданских нужно защищать. Теперь не вылазки замечательные на супостата с нанесением ему серьёзных потерь, не неся их самим, а только оборона до последнего защитника или последнего нападающего.

Была, правда надежда, что Серпухов, там далеко, вёрст за семьдесят, продержится и Коломна в десяти верстах тоже какое-то время удержит ворога, а потом поганые пойдут на Владимир или на запад в Звенигород, а их никчемный лагерь беженцев оставят в покое. Но глядя на небо, где облака причудливо выстроились в улыбающуюся беззубым ртом харю, Коська понял, что хрена с два, чудеса по пятницам, а сегодня четверг. И после дождика, пусть и мелкого, что час назад прошёл.

Не, ну, оборона и оборона, но вот диверсантов, чтобы спровоцировать нападение теперь точно не пошлёшь. Партизаны вернулись после удачной вылазки на Серпухов. До самого города не добралась, искали место для привала и наткнулись на привал татаровей. Большой отряд двигался куда-то отдельно от основных сил. Ночью их и обстреляли из всего, что было, даже все три кулеврины дробом бахнули. Но на удивление, татаровья не побежали, а стали из луков отстреливаться и прикрылись лошадьми от стрел. Силы несоизмеримы и пришлось отступить. Но что Демид, что Андрий уверяют, будто не менее двух сотен убили или ранили. Место мол неудобное. Нет леса. Река и поля вокруг. Был бы лес так и всех бы положили. Ну хоть у самих нет убитых, а раненых Коська с учениками быстро в строй вернул.

– Демид, вышлите разведку к Коломне и Серпухову, в бой не вступать, если есть хоть один шанс, что кто-то из ворогов сбежит. Может пару дней не тронут нас, успеем засеки закончить.

– Понятно, княже. А с рязанцами, если встретятся, и прончанами энтими, тоже не биться? Нехристи, поганых на нас навели, – по своей всегдашней привычке подёргал себя за бороду командир «партизан».

– Ох, уж блин! Да, это любимая игра русских князей, привести войско басурмен на свою землю, чтобы соседей зорить. Дебилы, не понимают, что через пару лет и с ними такое же сотворят. Ладно, если по зубам, то бейте. Ввяжемся и мы в дебильную игру по истреблению русского народа. Но тоже желательно, чтобы не ушёл никто. Денька два нам бы на подготовку.

– Понятно…

– Нет, стой. Не могу я так. Давай… попробуем. Если их там мало будет, то постарайтесь не убивать, а ранить… Ну, в руки в ноги. Егорку с вами пошлю, для экстре… ну, чтобы тяжёлых раненых продержал до возвращения сюда. А здесь мы с учениками их на ноги поставим и предложим перейти на сторону добра. Объясним, что Пронский этот проиграет по-любому. И лучше сразу принять сторону победителя. А там и князь сменится. Всё время забываю, как там этого второго сына у Олега Ивановича Рязанского звать. Гостомысл?

– Родослав.

– Точно. Родослав. Напридумывают. В общем… смотрите, аккуратнее там, по ситуац… по… Берите в плен и сюда тащите.

Событие второе

Отбиваться есть чем. Правда, если бы не засека была рубежом, а Кремлёвские стены, то это оружие было бы гораздо эффективней. Дело в том, что это тяжёлые и неудобные гранаты. Эдакий примерно грамм на восемьсот горшок керамический, в котором порох и куски железа, он залит живицей для герметичности и потом для того, чтобы не побили, упакован в берестяной туесок. В результате размер примерно с двухлитровую банку из будущего. Пробовали сделать меньше, но тогда сила взрыва недостаточна для серьёзного поражения противника, если цель не напугать, а убить, то вот такой размер оптимальный. Кидать можно. Туесок закреплён в сетку-авоську из будущего и к ней метровая прочная верёвка с петлёй на конце привязана. Здоровяки, раскрутившись, как при метании молота в будущем на соревнованиях, отправляют и за полсотни метров. Но это если ничего не мешает. А как из-за засеки кидать не очень понятно. Сейчас для гренадеров срочно десяток небольших вышек делают. Не, в самом деле небольших, метров пять в высоту. Эдакий большой трёхногий табурет. Гранатометатель может раскрутить там авоську с туеском и перебросить через засеку. Таких гранат сто семьдесят штук. Больше сделать не успели. Порох кончился.

А вот с орудиями не просто плохо, а очень плохо. Есть три кулеврины, но эффект от попадания шарика диаметром чуть больше трёх сантиметров, из чего бы он ни был сделан, так себе. В толпу в упор картечью? Ну если только… Ай, два человека пострадают вместо одного. В общем, кулеврины есть, и они стреляют метров на шестьсот, если свинцовым шариком, каменным в два раза ближе. Можно попробовать бахнуть по командирам. Нда, если те поближе подберутся.

Из орудий только один Единорог 6-ти фунтовый. Всё, что успел отлить и обработать Игнат. Будь при Коське вся его артиллерия, оставленная в Вологде, и он бы мог и в чистом поле с татаровьями сразиться, но нет. Бодливой корове бог рогов не даёт.

Ещё есть подаренный Пушкиным последний тюфяк. Все уже в Москве извели, пустили на переплавку, а вот один не успели. Его Коська, понимая в общем и целом, что толку от этой штуки чуть, всё равно выпросил у предка «Солнца русской поэзии». Калибр миллиметров восемьдесят и длина ствола сантиметров семьдесят. Это свёрнутый в рулон медный лист, сваренный кузнечной сваркой, и для прочности скреплённый кольцами. Каменным дробом выстрелит. Большой заряд пороха не получится применить – разорвёт, но в упор по нападающим галькой пульнёт.

Ещё есть большая мина. Одна. Она закопана уже у ворот, метрах в десяти. К ней ведёт бикфордов шнур. Выдолбили канавку в утрамбованной земле, положили туда, дощечкой прикрыли и грязью сверху залепили, теперь грязь высохла и почти не заметно эту канавку, возможно, и пригодится, если совсем край придёт.

Гранатомётов нет. Да, в общем и порох кончился. На пять – шесть десятков выстрелов Единорога осталось и на сотню выстрелов из пятидесяти пищалей, но там на выстрел горстка всего пороха.

Вся надежда на то, что если основным войском Иван Пронский идёт на Серпухов, то сюда больше тысячи не пошлют. А с тысячей четыре сотни опытных воев и партизаны с лучниками должны справиться, тем более из-за засеки.

Среди беженцев полно больных. И это не раны. Не, есть и раненые, но не от встречи с погаными или рязанцами, а так – бытовые травмы. И особенно их много за последние два дня при рубке деревьев получилось. Когда одновременно четыре сотни людей машут топорами, то по теории вероятности каждый час раненый или ушибленный будет появляться. Ну и плюсом

всякие с грыжей, с простудой, несмотря не лето, с отравлением и прочими расстройствами желудка из-за того, что воду пьют из болот и речек грязных, в которых сначала сотня человек нужду справила.

На счастье этого народа болезного рядом с местом впадением Москвы реки в Оку в неё же впадает небольшая речушка Желема на берегу которой и стоит пороховой завод. И на излучине этой Желемы в пяти сотнях метров от лагеря нашёлся источник зелёного огня. Пришлось Коське и самому заниматься лечением и пацанов всех подключить. Раз по десять уже все скатались к источнику только за первый день. Да и за второй не меньше. И очередь почти не уменьшилась. Все у себя сразу болезни нашли, и раз медицина стала бесплатной и очень действенной, то прямо драки за очередь начались. «Вас здесь не стояло» и «Мне только спросить», в переводе на язык четырнадцатого века – самые популярные крики.

Коська решил не заниматься администрированием. Наоборот, если не радовался, то был доволен, точно. По себе знал, что каждый раз, сунув руку в источник зелёного пламени и потом истратив его весь до капли, аккумулятор пусть на процентик, но увеличивает ёмкость. А если есть возможность по десять раз в день этот процентик получать, да ещё эти пятьсот метров туда-сюда бегом преодолевать, увеличивая физическую силу и выносливость, то это лучшая практика и для пацанов, да и для него.

Но вот теперь Егорка уехал с «партизанами», а он сам с отрядом ратников в сотню голов решил добраться до переправы через Оку в районе Коломны, чтобы посмотреть все ли татаровья перебрались на эту сторону реки через брод. Известно же, что обоз тянется в конце войска и тянется долго. Отбить его совсем не лишним будет. Ему две тысячи человек кормить.

Событие третье

Через Оку не так и много бродов хороших, и вот именно один из них и оседлали в стародавние времена первые жители Коломны. Практически все города, наверное, так и возникают. Ушлый товарищ захватывает переправу и начинает с купцов налоги брать. Потом там трактир и постоялый двор появляется. Кузнец нужен, теряют лошади подковы, а то и ось на телеге сломается. Крестьяне рядом селятся, ведь спрос на продукты питания растёт в этом месте. И если место людное и купцов много проходит, то такое поселение и до городка разрастается. Князь же тот самый – ушлый начинает крепостцу строить и отряд увеличивать. Глядишь и город появился.

Коломна явно из таких вот городков – оседлавших переправу через Оку. Тут из Переяславля-Рязанского идёт дорога на Москву и Серпухов.

Коська вслед за сотником Фомой, которого все за глаза, а кому дозволялось, и в глаза обзывали Свистуном, из-за его привычки насвистывать чего-нибудь почти всегда, подошёл к последним кустам на опушке леса и стал разглядывать переправу.

Оно того стоило. Пленные рязанцы «радостно поделились» информацией, что татарами руководит не кто-то там, а правая рука Тохтамыша Урук-Тимур из рода Ширин. И он гонит с собой табун из восьмидесяти аргамаков, подаренных ему самим Тамерланом. Не может расстаться со своими лошадьми даже на короткое время. Некоторых сам кормит и следит, чтобы конюхи мыли и вычёсывали его любимцев прямо при нём. Так вот, судя по тому, что творилось на переправе именно этот табун сейчас и переправляли с правого берега реки на левый.

Прикидывая действия ворогов, Касьян свет Иванович явно ошибся в своих прогнозах. Рязань же новая тоже стоит на такой переправе и по идее напрашивался первый бросок татар на Владимир, так как именно дорогу туда и оседлали рязанские князья, построив Переславль-Рязанский. Вот Коська и думал, что если поганые решили небольшие городки вокруг Москвы зорить и грабить, то начнут с ближайшего, с Владимира, но нет, они попёрлись на

Коломну и Серпухов. Хотя, кто его знает, если они силы разделили, то может отряд в пару тысяч человек и к Владимиру пошёл.

У брода организовалась настоящая пробка, с той стороны было с сотню басурман, которые пытались направить табун аргамаков в воду. И примерно столько же воинов было уже на левом берегу. Здесь же находилось штук десять двухколёсных повозок. Арба? В смысле склоняется это слово или нет? И как будет во множественном числе?

Коська тряхнул головой, самое время сейчас филологические ребусы решать.

– Удачный момент, Фома. У них отряд разделён. И брод вон широкий какой. Давай команду, пусть луки и арбалеты готовят.

– У тех, что на том берегу тоже луки есть, – Свистун ткнул рукой на воинов загоняющих в воду лошадей. Те шли неохотно, пытались обмануть горе пастухов и вдоль берега сделать полукруг. Да, за спинами воинов виднелись колчаны со стрелами.

Физика – это наука. И если река становится у брода мельче, то просто обязана стать шире. Количество воды, протекающее по ней, ведь, не изменилось. В этом месте Ока совсем уж разлилась, как бы не на всю сотню метров.

– С такого расстояния стрела может и долетит, но урон не должна причинить, все вои в хороших доспехах. Стрелять начнём вон от того дерева одинокого.

Специально или по воле случая, но с обоих сторон брода была голая земля, ни деревьев, ни кустов. Скорее всего, специально вырубили, чтобы тати всякие и Коськи разные засады на переправах не устраивали.

– Нападаем, распредели цели по десяткам. Если удастся отбить часть табуна, что успели на наш берег переправить, то считай, день не зря прожили.

– Добро, княже, – сотник поворотил коня и углубился в заросли ивняка и лещины на опушке леса, в которых скрывалась сотня.

Коська подошёл к Орлику и снял с седла арбалет полоцкий, переделанный Игнатом. Натянул тетиву и вложил в прорезь толстую арбалетную стрелу. До ближайших всадников басурманских было метров пятьдесят, и он вполне уже мог достать кого-то из татаровей.

Тридцать три раза предупреждал всех ратников и их десятников Коська, чтобы вот при таких атаках мчались к врагу молча. И что? Орали, свистели и шпорами подгоняли лошадей дружинники. Какие тут диверсионные действия с такими шумными товарищами.

Глава 2

Событие четвёртое

Коська цель выбрал давно. Искал командира, ну или как там они у нукеров называются. Сотник? Как-то называл их Демид? Баши? Башибузук? Тьфу. Наоборот. Йезбашы[1].

Этот примеченный парнем ордынец точно был главнюком. Стоял отдельно от прочих, и конь под ним был хорош, да и ерихонка с бахтерцем говорили о том, что это не нищий пастух. Коська уже прицелился из арбалета, когда эти… с позволения сказать, лучшие вои, заорали во все свои сто глоток. Йезбашы дёрнулся и сбил прицел Коське, пришлось снова целиться. Вжик и стрела улетела. Улетела куда-то в ту степь, так как в тот момент, когда Касьян уже нажал на скобу, ордынец опять дернулся, и на удивление Коськи поскакал не к броду, а навстречу его дружине. Безбашенный. Баш голова? Отсюда слово?

Пришлось от битвы отвлечься на десять секунд, что нужны на перезарядку арбалета. Как бы быстро ты рукоятки не крутил, но арбалет не лук, каждые несколько секунд не выстрелишь. Разогнувшись и вскинув уже заряженный тяжёлый арбалет к плечу, Коська цели не увидел, кто-то из его ратников стрелой успокоил главнюка. Стрелы и сейчас летели в ордынцев. Те последовали примеру своего сотника и ринулись в атаку. При этом, не как в книжках описывают, из лука стреляя на ходу, эти прямо как в фильме «Чапаев», неслись таким неровным клином и саблями махали. Это против копий ростовских ратников и стрел, летящих в них.

Коська выпустил стрелу в общую массу, тут уж не промахнуться, и снял с луки седла заряженную длинноствольную пищаль. Фитиль запалил давно и сейчас просто навёл в сторону ордынцев и потянул за крючок подтягивая фитиль к полке и затравочному отверстию, забитому порохом.

Бабах. Стрелял Коська без опоры и его отдачей, развернуло и посадило бы на задницу, если бы не кусты позади. На них отбросило, ветви спружинили и вернули стрелка в вертикальное положение. Коська повесил дивайс на место и сорвал с седла вторую ручницу, на этот раз короткую. Ясно, что стреляет эта штуковина недалеко. Но сейчас уже достанет. Ордынцы всего-то в тридцати метрах теперь от него.

Бабах. Парень стоял чуть сбоку от несущихся навстречу друг другу отрядов. Картечь хлестанула в массу из людей и коней, и можно не сомневаться, каждый кусочек железа нашёл для себя цель.

Ордынцы падали, стрелы, выпускаемые ростовчанами, тоже цель себе находили. Особенно удачно, если попадали в кого-то едущего впереди, точнее, в его лошадь. Та падала, кувыркалась, и в тесном строю увлекала на землю ещё нескольких товарок. А те ломали шеи или ноги седокам.

Тем не менее, план полетел к чертям. Вместо истребления ордынцев издалека теперь будет рубка с потерями. Ну, первоначально было равенство сил, сейчас после выстрелов из лука и Коськиной стрельбы пусть шесть десятков басурман на сотню ростовчан получилось. Всё одно, будут ненужные потери и главное, что потом придётся драпать, а не захватывать аргамаков, так как вторая сотня нукеров уже переправлялась через Оку. «Когда не следовало кричать Ура», так назывался рассказ о том, как чуть не пленили Наполеона казаки при переправе через Березину при отступлении Французов. Вот! Тот же эффект. Стой на месте и стреляй из лука, выбивая противника, нет, нужно заорать и нестись навстречу врагу. Дети? Или дебилы?

---

[1] ***В татарском (ордынском) войске сотник назывался «йезбашы» (от тюрк. йез – «сто», баш – «глава»).***

Теперь Касьян снял с луки седла дедовский лук и стал посылать в ордынцев одну стрелу за другой. Лавы конные врезались друг в дружку и естественно, вооруженные копьями ростовчане получили перевес. Жаль копьё в таких схватках вещь одноразовая. Всадил его в басурманина и оставил процентов так на восемьдесят в нём же. Копьё вырывает из рук. Мало кому удаётся сбросить раненого или убитого врага с наконечника и использовать копьё ещё раз. В основном дальше в ход идут мечи у русских и сабли у ордынцев.

Сам Коська стрелять не перестал, если есть возможность уменьшить количество врагов, то почему бы этого не сделать. Парень выпускал стрелу за стрелой, пока они в колчане не кончились. Двадцать калёных отправил. Сколько убил или ранил неизвестно, но что люди падали с лошадей, тут сомнений нет.

Рубилово продолжалось. И с каждой секундой становилось ясно, что нужно срочно уходить в лес. Уже несколько ордынцев преодолели брод и теперь спешат на помощь к своим. А вот к Коське и его ратникам никто не спешил. Да им пока и не нужна была помощь. Первоначальный перевес, плюс копейный удар и вдобавок действия Касьяна создали ощутимое преимущество дружинников. Поганых уже разбили на две части и добивали, практически окружив. Ещё бы минут пять и можно смело говорить о разгроме.

– Чёрт! – Коська схватился за длинную пищаль, – может удастся, бабахнув навстречу второй сотне, их задержать, а то совсем плохо получится.

Некоторые ратники, увлекшись избиением басурман, развернулись спиной к реке. По этой спине и получат скоро саблей со всего замаха. Если и не прорубит такой удар кольчугу, то попади по плечу, ключицу переломит.

Патроны в шёлковый чехольчиках находились в подсумке на поясе. Везде про бумагу в книгах пишут, но либо врут авторы, переписывая друг у друга, либо времена должны быть ближе к Наполеоновским войнам. Бумаги здесь на Руси нет вообще. Может у арабов и есть, возможно за очень дорого китайская попадает в южную Европу, но тут в Залесской орде Коська ещё в продаже на рынке бумаги не видел.

Потому пришлось патрон делать из шёлка самого тонкого, который нашёлся. Кисея, вроде бы, называется. Патронов всего десять. И они стоят как будто из серебра сделаны монолитного. Свинец почти равен серебру по цене, да ещё шелк совсем не дёшев, так это порох даром. А если и его стоимость, как на рынке в Европе, посчитать, то и совсем стрелять желание отпадёт.

Коська выстрелил. Пока далеко не все ордынцы перебрались на левый берег Оки, часть только двигалась к реке, пытаясь пробиться через напуганный громкими выстрелами табун. Аргамаки решили взять сторону русских и бросились на восток вдоль берега реки, перекрыв дорогу практически половине второго отряда.

Выстрел напугал и приближающихся лошадей с погаными. Кони вставали на задние ноги, пытались развернуться. Однако всадники им этого не давали, нахлёстывая лошадок напуганных, по бокам ногайками. Ор, крики, ржание всё смешалось. А вот продвижения вперёд не было.

Парень прочистил шомполом с ёршиком проволочным канал ствола от возможный остатков тлеющего шёлка. Затем сунул в отверстие новый патрон и противоположным концом шомпола утрамбовал его поглубже. Прокол шилом в затравочное отверстие, сыпануть на полку немного пороха из пороховницы и пищаль готова к очередному выстрелу.

Бабах. И ближайший к Коське нукер слетел с коня.

И тут на него наконец обратили внимание, и сразу три богатура развернули коней и плетьми заставили тех скакать к кустам.

– Ещё один выстрел успею, – пробурчал князь Ростовский и схватился за шомпол.

Событие пятое

Не будь тех боёв с немцами и татарами по дороге из Менска в Москву и потом уже в самой Москве и Коська бы запаниковал. Когда на тебя три всадника несутся, чего-то там на пределе возможностей гортани и лёгких крича и размахивая саблями, то самое время броситься убегать, прикрывая голову руками. Вон к тем кустам, там всадник не пройдёт. Но ведь Коська не пацан необстрелянный семнадцатилетний из Залесской Руси или Литвы. И в прошлой жизни пришлось повоевать и в этой уже четыре года воюет.

Парень отрешился от всех мыслей и продолжил заряжать пищаль. Прочистить канал ствола шомполом от несгоревших и невылетевших остатков предыдущего патрона, потом сунуть следующий шёлковый цилиндрик и пропихнуть его до конца другим концом шомпола. Теперь порох на полку. Сто… наверное, и двести даже тренировок и несколько боевых применений пищалей, довели процесс до автоматизма. Мозги отключены. Они уже соображают, что делать после выстрела. К луке седла прислонено длинное толстое кавалерийское копьё. Такое же как у всех ратников. Коська его использовать не планировал. Ну, Чапай же объяснил, что командир на лихом коне впереди отряда – это глупость. Нужно руководить боем, а не лезть под пул… под стрелы ордынцев. Но копьё Коська с собой взял, как пример для подражания, а то многие, особенно партизаны не хотели себя этим оружием обременять, дескать, стрела в сто раз надёжнее ворога с коня ссадит. Зачем эту древность тяжёлую таскать. Лучше ручницу везти, эта штука тоже одноразовая, но зато убьёт ворога в упор-то гарантированно. Но Константин Иванович про польских гусар читал. Пока нужно копьё. И ещё пару веков точно будет нужно. И вот не ошибся, сейчас копейный удар его дружинников, по сути, решил исход сражения в пользу ростовчан.

Бабах. Целиться не нужно, ближайший всадник с занесённой для удара саблей всего в семи – восьми метрах.

Конь прянул на дыбы, а конника повалило силой выстрела сначала на спину лошади, а потом и на землю уже сам жеребец сбросил. Чего это благородное животное будет на себе трупы возить?! С пятисантиметровой дырой в груди не живут.

Отдачей Коську опять бросило спиной на кусты. И эти гады подвели, не отпружинили его назад к лошади. Они раздались и ещё и сжали с боков, мешая парню подняться. Бедою бы всё закончилось, но лошади двух выживших всадников шарахнулись от звука выстрела почти в упор и татаровьям потребовалось тоже десяток секунд чтобы с ними совладать и направить вновь на урус-шайтана. Касьян же, выпутавшись из кустов, бросился к Орлику, в отличие от ордынских лошадок только чуть дёрнувшегося от выстрела над ухом, и схватил копьё. Три метра примерно длинна и длинный обоюдоострый наконечник. Глефа, скорее, чем копьё.

Им и встретил ударом в грудь парень следующего всадника, обогнувшего его стратегический куст. Ордынец был в кольчуге. Простой удар рукой копья она бы выдержала. Но Касьян и не собирался железками в человека тыкать. Он упёр древко копья в землю и направил только остриё на грудь всадника.

– Самообслуживание у нас.

Ордынец сам налетел на острие и своей массой и моментом и кольчугу разорвал, и погрузил на тридцать сантиметров до перемычки сталь в себя. Это же копьё продолжая упираться в землю его сбросило с коня на землю прямо под ноги лошади третьего басурманина. И это дало Коське ещё чуть не минуту времени. Ордынец никак не мог с лошадью совладать, она вертелась, вставала на дыбы, но по человекам идти отказывалась.

Князь Ростовский сначала меч полуторник из ножен вынул, но увидев такой подарок, воткнул его перед собой в землю и потянул за древко копья, пытаясь освободить от бездыханного уже тела. Поддавалось копьё плохо. Даже татарина ближе Коська подтащил, не желала

сталь плоть покидать, желала кровушки испить вволю. Или, что правдоподобней, в звеньях кольчуги застрял наконечник. Ещё подтянув тело к себе, Коська упёрся сапогом в грудь поганого и только после этого, хлебнувшее вражьей крови лезвие, со скрипом металла о металл вылезло на свет божий.

Вовремя. Третий ордынец сделал полукруг и заехал Коське в тыл. На пути был переломанный куст колючий, наверное, боярышник. Он мешал ордынцу достать Коську саблей, и всадник махнул ею пару раз, срубая ветки.

В это время князь к нему и повернулся, уже держа копьё в руках.

Событие шестое

Тычок копьём, единственное, что Коська успевал. Понятно, что без замаха и против кольчуги не вариант. Не пробить. Но ничего другого просто не успеть. Ордынец в это время замахивался уже для сокрушительного удара по пешеходной тле каким-то фантастическим способом, убившей двух его людей. Именно людей. Басурманин явно был из командиров. Он и не в кольчуге был, а в бахтерце, копьё скользнуло по металлу пластин и упёрлось в промежуток между ними чуть не у горла. Всадник, получив тычок, махнул саблей мимо и, более того, выронил её, взмахнув обеими руками сохраняя равновесие.

И Коська шанс не упустил, он ткнул остриём глефы в морду животного в чёрный шершавый нос. Коняшку было жалко. Красивая рыжая кобыла явно в родстве была с теми аргамаками из табуна Урук-Тимура из рода Ширин. Если не аргамак, то сестра двоюродная.

Лошадь отпрянула и взвилась на дыбы одновременно на задних ногах прыжок назад совершая. Всадник и так был временно выведен из состояния равновесия, а тут такой неожиданный прыжок. Однако степняк не зря родился в седле и всю жизнь в нём провёл, он удержался, обхватив шею кобылы руками. И всё бы хорошо, но Касьян в это время третий раз ткнул своим копьём. В этот раз удар пришёлся в шею животного, и кобыла от боли завалилась на куст колючий и видимо иголки сильно в неё впивались, так как лошадь забилась со всей силы пытаясь вскочить. А вот татарин вскочить на его беду попробовал отдельно от лошади. Напрасно он это. Сотни килограмм взбесившегося веса раз за разом вминали его копытами и крупом всё больше и больше в куст и землю. Наконец лошади удалось вскочить на ноги, и гневно обзывая и кусты, и людей на своём лошадином, отбежать на свободное место.

– Кто к нам на коне придёт, от коня и погибнет, – сунул кончик пики в лицо поганому Коська. Татарин попытался закрыться руками стоя в позе собаки, но рука не успела, остриё вошло в щёку, легко распороло её и погрузилось дальше, дойдя до задней кости черепа. Татарин выгнулся, потом завизжал и затих.

Князя пошатывало. Пришлось на копьё опереться, чтобы не сползти в примятую траву и колючие обломанные ветви боярышника. Вроде чуть больше двух минут бой шёл, а энергии столько выплеснулось, что и мокрым, как мышь какая-то неизвестно почему, стал и ноги подгибаются, призывая прилечь на травку зелёную отдохнуть.

– Считаем до десяти и идём заряжать пищаль, – просипел себе под нос Касьян и принялся считать.

На десятом он выпрямился и повернулся к месту боя. И губы сами расплылись в глупой улыбке. Несмотря на крики ненужные и рывок этот вперёд вместо молчаливого расстрела ордынцев из лука, шалость удалась. Первый отряд или первая сотня «пастухов» была полностью перебита и теперь шло добивание второй. Может чуть не так. Эта вторая сотня разделилась на четыре кучки по интересам. Первая кучка почти успела на помощь истреблённой сотне. Но тут ключевое слово «почти». Добив последних степняков из той сотни, его отряд сумел развернуться и встретить лицом к лицу пару десятков ордынцев. Ну, сотня двадцать не очень

мотивированных всегда запинает. Так некоторые ростовчане даже умудрились свои или чужие копья поднять. Они и решили исход этой схватки.

Коська увидел как последних добивают. И тут же началась третья стычка. Но на этот раз соотношение и совсем уж было не в пользу ордынцев, их всего человек пятнадцать было и мчались они не лавой, а чуть ли не вытянувшись в шеренгу по одному.

Парень перевёл взгляд на других поганых. Отряд всадников в тридцать стоял на том берегу Оки и ничего не предпринимал. Ещё один примерно равный по размерам, на этом берегу пытался повернуть уже переправленных аргамаков назад на правый берег.

– Врешь, не уйдёшь!!! – Жадность вновь уровень адреналина у Касьяна в крови довела до нужной отметки, и он схватился за пищаль. Ёршик в ствол и прочистить, теперь патрон…

– Блин блинский! – фитиль погас за это время, пришлось ещё несколько секунд потратить парню на работу с огнивом.

Бабах. Стрелял Коська не в ту степь, он выцелил явно сотника или десятника, который стоял на небольшом отдалении от своего отрядика и команды им кричал или поторапливал, Аллаха всуе упоминая. За что тут же и поплатился, получив трёхсантиметровый свинцовый шарик в спину. Картинно всплеснув руками, богохульник слетел на землю. Его подчинённые оторвались на мгновение от своего такого нужного занятия, как спасание табуна от неверных, и смогли оценить обстановку. Бой практически закончился и сейчас в двадцати – тридцати метрах от них находилась пусть и не полная, но сотня урусов. И не каких-то там лапотников, они только что разбили полторы сотни их соотечественников понеся очень небольшие потери. Нужно было убираться подобру-поздорову … А как же табун аргамаков?!

Оказалось, что без окриков командира своя рубашка ближе к телу прилегает, и сначала один, потом второй ордынец, бросив упрямых «ослов», не желающих спасаться от загребущих лап неверных, помчались к воде. И минуты не прошло, как все степняки на этой стороне Оки кончились. Теперь они оказались в Оке.

И тут Коська порадовался. Его люди вспомнили про луки. Хотелось бы попенять, мол, а где раньше были, спали? Но не до них было. Тот отряд, что стоял на правом берегу Оки стал с криками въезжать в реку, чтобы остановить трусов. И парень решил, что пару ядрышек свинцовых для разрешения спора, чья сейчас Ока? не повредит. Тем более, фитиль запален.

Ершик, патрон, шомпол. Выстрел.

Бабах. Чехарда в воде усилилась, а тут в них и первые стрелы полетели. И стрел с каждой секундой становилось больше и стрелки становились ближе к цели. Не только степняки умеют стрелять с лошади. Эту замечательную науку и русские уже освоили.

Бабах. Второй выстрел прогремел уже вслед редким выжившим и сумевшим добраться до того берега.

– Фух. Программа минимум выполнена. Лошади добыты. Теперь нужно людей подлечить.

Коська выбрался из своего куста.

– Фома! Давай раненых сюда.

Глава 3

Событие седьмое

– Идиоты! Дебилоиды! Мизерабли! Выпороть бы вас! – Коська был зол как сто тысяч чертей.

Раненых несли и несли. Парень огляделся. Народ, не слезая с коней, пытался ловить аргамаков и преуспел только в одном, весь табун за совсем уж редким исключением разбежался в разные стороны и теперь даже чтобы его собрать час потребуется.

– Фома! – заорал Коська срывая горло, – Наведи порядок! Десять лучших стрельцов спешить и поставить вдоль брода. Стрелять во всё, что шевелится. Остальных раздели. Помладше спешить тоже и верёвками, если есть, снабдить. Пусть сделают лассо… а как это? аркан… Аркан пусть сделают… Петлю. Остальные пусть с запада обойдут табун и сюда медленно, не пугая лошадей, гонят его… в нашу сторону гонят, а не куда получится. Четверых оставь, пусть раненых рассортируют… А?! На всех у меня огня не хватит! Самых тяжёлых вот сюда положите. Идиоты!

Аккумулятор за время проведённое в Москве и потом в Ростове, постоянно занимаясь лечением, Коська прилично раскачал. Если после первого использования заёмного зелёного огня сил у него хватало на четверых больных по три минуты, то есть на двенадцать минут работы, то сейчас мог уже восьмерых лечить. Получается – двадцать четыре минуты. В два раза ёмкость аккумулятора внутреннего увеличилась.

Казалось огромная цифра. А тут сразу восемнадцать раненых. И при этом трое совсем тяжёлые. Не то что не хватит, а вообще кердык. А они в десятке, а то и больше километров от крепостцы с тремя пацанами – хельгами.

Сотник поскакал наводить порядок и организовывать оборону, а Коська бросился к самым тяжёлым, троих уже ратники отдельно положили. Ну, с одним уже ничего полезного не сделать. Как и ещё с пятерыми, совсем уж отдельно лежавшими.

– Отмучались, царствие им небесное, – пояснил один из ратников.

– Царствие небесное, – Коська перекрестился вслед за дружинником, а потом тряхнул головой, от вредных мыслей её освобождая, и ткнул пальцев в первого тяжёлого. – Снимите с него кольчугу… Нет. Перетяните рану ремнём!

У дружинника была отрублена левая рука. Отрублена по локоть почти. Видимо выставил её, прикрываясь от удара сабли. Силён был татарин. Коська не стал ждать, пока товарищи перетянут руку и стал вливать в раненого зелёное пламя, отсчитывая секунды. На ста двадцати кровь перестала течь, и лекарь разорвал контакт. Новую руку не вырастить. Не в сказку попал. Следующим был явно не жилец. Не все, видимо, ордынцы были с саблями, нашлись и с копьями. И это вражье копьё пропороло кольчугу на ратнике и вошло глубоко в живот. Явно там все кишки перерезаны. Ничего не сделать. Зелёное пламя от разрыва кишок не поможет, да даже если они и срастутся, то содержимое кишечника, что попало в брюшную полость, вызовет перитонит, и раненый всё равно помрёт, только дольше мучаться будет.

– Ничего не могу, – Коська вздохнул и перешёл к третьему раненому.

Ц. Блин. Ужас ужасный. Сабельный удар пришёлся по лицу. И если бы он был рубящий, то козырёк ерихонки и стрелка на носу защитили бы. Вот только ордынец ткнул концом сабли в лицо ратнику и пропорол щеку до подбородка и дальше задел шею. Но видимо там только царапина, раз раненый жив до сих пор.

– Сведите ему кожу на щеке, – подсказал Касьян санитарам вынужденным и стал вливать в голову дружинника зелёный огонь.

Остановился, досчитав до ста восьмидесяти. Потом посмотрел на раненого и ещё до шестидесяти досчитал. Вроде бы, кровь остановилась, и края раны под коркой крови не расползались больше. Ничего толком не видно, промыть бы, да времени нет. Вон, целая шеренга на траве лежит или сидит.

– Перемотайте ему голову бинтом аккуратно, чтобы зараза всякая в рану не попадала.

Дальше пошли менее серьёзные раны. Всё же ерихонки и бахтерцы – это на данный момент самая лучшая защита, она и не такая тяжёлая, как у рыцарей на западе, и в то же время от стрел и сабель вполне прикрывает бренную тушку. Ранения были в руки или гораздо менее защищённые ноги. Коська просто до шестидесяти считал. Кровь останавливалась и ладно. Заодно зелёное пламя явно рану обеззараживало, так как после такого лечения Касьян не замечал появления Антонова огня.

В последнего ратника все остатки энергии вылил парень и, чувствуя сумасшедшую просто усталость, свалился рядом с ним, глядя, как Андрей Болконский, в небо. Ну, облака. Ничего в этом такого уж красивого нет. Просто роман тяжёл для школьников, вот хрень всякую и выбрали из него для заучивания. Не про открытые мясистые плечи Элен же заставлять детей учить наизусть. Бегут себе облака с запада на восток и бегут. Хотя вон то похоже на задницу, как её схематично рисуют.

– Княже?

Вот ведь, и на задницу полюбоваться не дадут! Хорошо было Болконскому, никто ему не мешал. Кому он дебил нужен?!

– Что ещё плохого?

– Уходить надо. Татаровья сейчас за этими лошадьми всех, кого найдут, пошлют.

Фома говорил то, о чём Коська и думал сейчас помимо разглядывания облачной попки князя Болконского. Пришлось вставать. Нет. Вссстааввааать. Пришлось оглядываться. Нет, ничего в лучшую сторону особо не улучшилось. Эти Ахалтекинцы не хотели сбиваться в табун и не хотели ловиться. Поймать ратникам удалось едва два десятка. Их упирающихся волокли к лесу, те жалобно ржали и ещё больше пугали родичей рыжих. Или этот цвет не рыжий? Как там такая масть называется – буланая, соловая? В общем, светло-рыже-коричневая? Бежевая? Ну, красивая, одним словом. Словно не настоящая кожа, а рисунок на шедевруме из будущего.

Правда, совсем бесполезными усилия дружинников тоже назвать нельзя. Табун оттеснили от воды и почти загнали в кусты на опушке леса, лишь нескольким особо ретивым индивидуумам удалось сбежать, и они улепётывали вдоль реки на юго-восток.

– Сотник, давай тех бросим, время только потеряем…

– Так рублей десять, а то и все двадцать каждая стоит! – вскинулся Фома.

– Дороже. Но жизнь ещё дороже. Гоните в кусты оставшихся и ловите там. Правильно говоришь, отбивать такой табун все пять тысяч ордынцев прибудут. Нужно срочно за засеку убираться. Бросить бы их. Чую много непокоя принесут они с собою, – вспомнил Ершова Константин Иванович.

– На это я пойтить никак не могу, – послышалось, – Всех отправлю ловить, княже, как же иначе, и раненых, княже, нельзя бросать. Такие лошади, княже! – заело пластинку.

– Быстрее только. Чую беду неминучую.

Событие восьмое

Почти успели. Удалось загнать две трети табуна в кусты у леса, и там их ратники, перецарапавшись и отведавши лошадиных зубов, повязали. Аргамаки и не думали успокаиваться, и рвались, даже будучи с арканом на шее, но прицепленные к седлу своих собратьев хоть чуть

присмирели. Ключевое слово – чуть. Теперь на два десятка оставшихся на свободе лошадей было почти семь десятков ратник и ещё десяток рыжих бестий удалось загнать в кусты и заарканить. В это время и появились ордынцы на той стороне Оки.

К счастью, хоть один здравомыслящий из всей сотни остался. Коська отдышался, и пока народ гонялся за аргамаками, сначала зарядил пищаль, потом арбалет. Дальше заряжать было нечего и Коська стал командовать. Из общего гвалта он выцепил двадцать лучников и установил их за кустами частично, а пятерых демонстративно поставил у воды. Ну и раненых потом с частью аргамаков уже успокоившихся отправил к их крепостце, неспешным ходом.

Ордынцы числом в пару сотен высыпали на берег Оки и чуть не сразу бросились переправляться. Пятеро показательных лучников встретили их стрелами. Метров сто между берегами и только навесом стрелы долетали и степняки бы проигнорировали эти жалкие попытки их остановить, но тут и Коська вышел на берег и пальнул из пищали. Пуля долетела, и в кого-то там попала. Да и сложно не попасть, когда там две сотни всадников столпилось.

Степняки отпрянули от воды, но потом часть спешилась и вернулась. Эти тоже лучниками оказались. И вот это уже на град стрел походило.

– Назад! – рявкнул Касьян на пятёрку увлёкшихся стрельбой ратников.

Вовремя, едва они покинули свои позиции, как в те места стали втыкаться стрелы.

Закрывшись кустами, ратники ещё попробовали обстреливать тот берег, но стрелы уж совсем на излёте добирались до ордынцев, не причиняя им вреда. А вот второй выстрел Коська опять кого-то свалил с лошади. Там завизжали, и вся сотня лучников перенесла огонь по его кусту. Пришлось тоже ретироваться поближе к лесу за очередной куст.

Все эти метания по берегу принесли дружинникам ещё с десяток минут, и они успели поймать оставшихся аргамаков и затащить их в лес.

– Уходим на опушку, – крикнул лучникам Касьян и неторопливо, демонстрируя фунт презрения, сам пошагал к деревьям. Метров сто семьдесят уже, не должны стрелы долететь.

На той стороне завизжали, заулюлюкали и бросились переправляться. В воде по брюхо лошадь особо не разгонится и весь арьергард князь сумел распределить под деревья пошире, охватывая вход на лесную дорогу полукругом, а сам Касьян спокойно после этого стал заряжать пищаль и арбалет. Жаль, что это предпоследний патрон. Нет, порох и картечь ещё есть, и можно стрелять и дальше, но перезарядка без готового патрона гораздо больше времени занимает.

Басурмане предсказуемо себя повели, они так стремились первыми оказаться поближе к неверным, покусившимся на святое, что забыли об осторожности, все рвались вперёд и получилась вытянувшаяся капля такая. У кого лошадь мощней и кто первым в воду её завёл, тот и был впереди. Они и получили двадцать стрел из лука и одну из арбалета, а в довершении и свинцовую огромную пулю. Коська перед тем как занять позицию долго и вдумчиво кричал стрельцам, чтобы били не по всадникам, а в лошадей. Всадники явно элитные и все в железе, а вот лошади было видно, что почти все без попон, обшитых пластинами железными, таких всего несколько штук имелось. Сам парень именно в такого всего железом обшитого и выпалил. Попал куда-то, так как ордынец свалился с коня.

Затор получился знатный, сразу полтора десятка лошадей повалилось на землю, получив стрелу в грудь или морду с двух десятков метров. Если и не убились наездники в тяжёлой броне, то покалечились точно. Законы Ньютона никто не отменил, как и закон всемирного тяготения. Там масса где-то в уравнении.

– Эх, сколько железа пропадает, – вздохнул Касьян и побежал к привязанному чуть глубже в лесу Орлику.

Следом тяжело топали ратники. Еще минут пять они без сомнения выиграли. А может и больше, явно среди этих первых были сотники и десятники. Раз кони быстрее и мощнее, то точно не рядовые пастухи на них сидят. Пока разберутся с покалеченными, пока завал рас-

чистят. Да и должны же чему-то научиться, на этот раз с гиканьем не бросятся преследовать кусучую добычу. На это и расчёт. Не дураки враги.

Через десять примерно минут арьергард во главе с Касьяном догнал основной отряд.

– Уходите. Ещё одну засаду организуем, – отмахнулся Коська от Фомы, который предлагал ему вперёд отправляться, – Я тут покомандую, у меня и пуля ещё одна есть и девять арбалетных стрел. А вот вы не мешкайте. И вышли кого вперёд, чтобы предупредили, что мы на хвосте поганых немного приведём.

Событие девятое

А жаль. Среди ордынцев нашёлся неглупый командир, который организовал преследование по незнакомому лесу согласно какой-то военной науке. Не иначе военную академию имени Чингисхана заканчивал. Этот товарищ наладил разведку впереди отряда и две организованные Коськой засады привели только к выигрышу времени. Удалось убить или ранить максимум пятерых. После первых же выстрелов задние всадники в авангарде разворачивались и гнали к своим. И те, спешившись, пытались окружить засаду. Первый раз чуть не попались на этом манёвре ратники с Касьяном. Хорошо степняки не были спецназовцами и не умели бесшумно по лесу двигаться. Коська со своего фланга одного такого громкого «лесовика» услышал и увидел, и картечью, за неимением больше пуль, приголубил.

Татары не выдержали и, заорав, бросились вперёд, больше не скрываясь, были встречены стрелами и откатились. А двум десяткам ратников удалось добежать до лошадей, оставленных чуть дальше по дороге и удрать.

Вторая засада принесла те же результаты, но ждать нападения спешившихся бусурман не стали. Обстреляли разведку и бросились к лошадям. Теперь главное – время. Его и выиграли.

Ну, а там уже выехали на огромную… м… а как это называется? Просека? В общем, деревья на приличном расстоянии от бывшего порохового заводика вырублены. Одни пеньки торчат. Сначала на дрова вырубали, ведь селитру из земли чтобы получить нужно кипятить и кипятить воду. А потом ещё дальше отодвинули деревья, срубая ели и сосны для постройки засек у крепостцы.

Их ждали и приготовили проём небольшой в зелёной стене, и как только последний ратник заехал внутрь ограды, мужички подхватили большую ель и перегородили проход.

– Всё! Генуг! Теперь точно в мышеловке, – прокомментировал это действие князь Ростовский, – Допрыгались.

Спрыгнув с Орлика, Касьян поспешил через малые воротца внутрь крепости и дальше к барбакану. Там руководство его бандой собралось.

– Что Демид с партизанами и лучниками вернулся? – сразу бросился он с расспросами к Яромиру.

– Нет, княже, – воевода так энергично затряс головой, что не крепись она на бычьей шее, так оторвалась.

Хорошо это или плохо? С одной стороны, за стенами и засекой двадцать человек с пищалями – это сила, да и пять десятков хороших лучников тоже сила. А с другой стороны – это же партизаны. Вот и пусть партизанят в тылу у ордынцев, что сейчас окружат эту крепость. Что пожалуют поганые можно не сомневаться, товарищ Урук-Тимур из рода Ширин, который правая рука хана Тохтамыша, лишившись своего табуна аргамаков, всех пошлёт отбивать его любимых лошадок, да и сам приедет. Нахрен ему теперь ни Серпухов, ни Коломна с Владимиром не нужны будут, ему нужны его ахалтекинцы. Он все пять тысяч татар сюда к маленькой лесной крепостце пригонит, чтобы побить урус-шайтана, позарившегося на святое. Свободу четвероногим братьям!

И вот тут действующие в его тылах Демид, Андрий и брат Касторий, он же дядька Касьян, принесут пользы гораздо больше, чем запертые за стенами. Можно нападать на обозы, можно устраивать ночные атаки. Обрезать большое войско от снабжения припасами – это практически выиграть войну. Ладно люди, предположим, им необходимо полтора кило продуктов в день, на пять тысяч ордынцев получается всего семь – восемь тонн. Ерунда. Телега везёт полтонны. Пятнадцать гружённых подвод, вот и все проблемы. Совсем другое дело лошади. Ей – лошадке нужно в десять раз больше продуктов. А это уже не пятнадцать подвод. Нет, лошадь может сено с ветками грызть и травку щипать, но так и работать будет. В бой на такой не поскачешь. А ведь у пяти тысяч татаровей у каждого в основном есть заводной конь. Это уже десять тысяч лошадей. Просто огромное количество овса и моркови всякой нужно. Придётся высылать Урук-Тимуру во все стороны фуражиров. И вот их ликвидация больше поможет крепости, чем наличие этих семидесяти человек внутри неё.

Что у них есть артиллерия Коська решил сразу татаровьям показать, не чтобы похвастаться, просто нужно товарищей держать на расстоянии, пусть пробуют осаду организовать, время точно на него работает. Дмитрий Донской и Владимир Храбрый, в отличие от прошлого раза, не разбежались в разные стороны из Москвы, а сидят там и из дальних городков рать собирают, чтобы Ивана Пронского по пояс в землю вогнать, желательно с обеих сторон. Ну, без татар у него две – две с половиной тысячи. Вполне Димитрию Ивановичу по силам и в два раз больше собрать. И это будут вои – ратники, а не ополчение на половину, как у рязанца.

– Пушка на барбакане готова? – осматривая пустынную вырубку, обратился Касьян к воеводе Яромиру.

– Даже зарядили уже.

Воевода Ростовского княжества, столкнувшись с такой серьёзной силой, как артиллерия, стал её главным фанатом. Как они легко справились с новгородцами и вологодцами. Нет потерь с нашей стороны. Непривыкшие к пушкам люди просто разбегаются или, не зная возможности орудий, погибают. Все конной стычки ждут, а тут прилетают маленькие кусочки металла, и нигде от них не скрыться, и стены не шибко помогают.

– Думаю, минут через пять появятся вон на той дороге, не сильно они от нас отстали, нужно встретить картечью.

Глава 4

Событие десятое

– Ага, учёные уже, – ну хоть малости такой можно порадоваться.

Степняки не выскочили на выруб на полном скаку всем кагалом, а сначала троица разведки появилась, а потом минут через пять ещё десяток и на этом пока всё. Стояли, смотрели на непонятную крепость из-под рук, наверное, переговаривались о чём-то. До леса метров триста, может чуть меньше, а может и чуть больше, но не критично, и стрельнуть уже можно было, но чего по такой незначительной цели заряды жечь, пусть покажутся основные силы и главное – кто из начальства ордынского.

Когда крепостцу сначала достраивали, увеличивая, а потом окружали засеками, то делали это так, чтобы барбакан с двумя небольшими надвратными башенками оставался снаружи. Не перегораживать же вход внутрь засеками, как потом туда попадать? Все эти дополнительные стены и полукружья двух больших засек справа и слева от ворот городили. Потому, сейчас Коська стоял рядом с 6-ти фунтовым Единорогом на площадке над воротами и отлично видел, что там у леса творится. В каждой башенке ещё по расчёту с кулевринами обосновались, и третья кулеврина, которую с собой брали, уже стояла прямо рядом с пушкой. Единственный тюфяк был с противоположной стороны крепости в высокой смотровой башне. Ущерба особого он нанести не мог, так, скорее, это для психологического эффекта, что вот, дескать, уважаемые гости, и с этой стороны у нас пушки есть, бойтесь.

Наконец, минут ещё через десять из леса стали выезжать ордынцы. Не сказать что и много. Человек сто. Всадников сто. Да больше и не могло быть особенно. Их всего пару сотен к броду подъехало, часть видимо отправилась ловить сбежавших вдоль реки аргамаков, а часть отправили на доклад к начальству. Сколько то и в рай мусульманский отправилось. Разбрелись, одним словом.

Там, среди чёрных на фоне леса зелёного фигур, видимо, был и тот командир, что чингисхановскую военную академию посещал. Ордынцы не ломанулись и теперь к засеке или воротам в крепость. Они разъехались по периметру выруба, держась на максимально возможном расстоянии от крепости. Решили осмотреть сначала непонятное и невиданное раньше сооружение. Время засек ещё не наступило, ещё века до него. Век, так точно.

Разъехавшись по периметру, основная масса поганых скрылась из виду, и только группа из семи всадников осталась на прежнем месте. Коська в какой-то сто кавырнадцатый раз пожалел, что нет у него подзорной трубы или какой-нибудь энергии непонятного цвета, чтобы зрение усиливать. Можно было бы осмотреть басурмен и, вычленив из них главнюка, попытаться попасть в него из кулеврины. Расстояние плёвое. Конечно и точность у этого дивайса плёвая. Но если три «снайперки» одновременно бабахнут, то вероятность попасть ведь должна в три раза возрасти? Или там другой принцип? Девять беременных женщин ведь за месяц не родят. Нет, с теорией вероятности Константин Иванович был знаком шапочно и очень давно. Сейчас на улице встретит, так и не узнает.

Между тем татаровья не спешили. Они объехали по кругу неприступную цитадель и опять почти все собрались напротив ворот. Коська им даже ручкой помахал, мол, как ночевали ребята? Не ответили. Наверное, подмогу ждут? Или командира?

– Едут! – Коська на секунду отвлёкся, проверяя ногой верёвки, которые выполняли роль амортизатора у Единорога, и его тут же толкнул в бок воевода Яромир, – Едут трое, княже. Вон!

Белые флаги ещё более пятисот лет будут только в книжках неподкованных авторов, эти ехали без всяких флагов. Просто неспеша, выстроившись треугольником, приближались. В центре и впереди треугольника ехал воин в ерихонке с белым конским хвостом на кончике. По мере приближения и другие приметы проявлялись, что товарищ этот из командиров. Бахтерец был с несколькими золотыми или золочёными пластинами на груди и на рукояти сабли и ножнах камешки голубые имелись. Бирюза, надо понимать.[2]

Троица преодолела расстояние и остановилась под самым барбаканам.

Золочёный что-то прокричал. Потом стал тише говорить и Коське пришлось руку поднять, чтобы шёпот за спиною прекратить. Нужно же послушать, вдруг что интересное сказанёт. Но ничего нового для себя Касьян не узнал. Гыр быр фыр мыр. Никакой конкретики.

Зато толмач, которого обладатель белого хвоста догадался с собой прихватить, говорил громко, разборчиво, без всякого акцента и конкретно.

– Отдайте табун, откройте ворота и сдайтесь, и тогда мы убьём только половину!

– Вона чё? Щедро, – пробубнил себе под нос князь Ростовский и ответил толмачу, даже не перевёл взгляд на бирюзового.

– Сложите оружие и принесите голову князя Ивана Пронского… и половина может провалить, остальных мы убьём. На кол посадим.

Кони под троицей заигогокали и ногами стали активно перебирать. Наверное, обрадовались, что смогут в родные степи из этого ужаса с бабахами отправиться.

А вот хозяева радости коней не разделили.

– Кар мар бар вар базар! Тамар мутабар! – проревел белохвостый.

– Вы все умрёте!

– Последний живой перережет глотки всему табуну! – не постеснялся попугать золотистого Касьян свет Иванович.

Когда главнюк услышал перевод, он уронил голову и плеть. Потом воздел руки к Аллаху и послал того по матушке. И уехал, больше ничего не сказав.

Ну, вот, теперь Чапай думать будет.

Нет! Чапая Коська переоценил. Он послал сотню к воротам на приступ? Ну, вот, он всё своих дебилами обзывал, а с той стороны, с противной, не лучше. Примерно сотня всадников поскакала к воротам и на ходу стала срывать с плеча луки и накладывать стрелы на тетиву.

– Поднять щиты! – скомандовал князь Ростовский и шагнул за первый.

И тут стрелы затюкали в него.

– Кучно бьют. Давай, Прокоп, пальни из пушки.

Бабах. Коська еле успел рот открыть. А то оглох бы. Ну, плюс ещё войлочный подшлемник, прикрывающий в том числе и уши. Один чёрт громко.

– Дебил! А кто триста тридцать три кричать будет?!! – прохрипел он на бомбардира.

– Ась? Ещё раз?

Коська выглянул в смотровую щель на щите. Сотня удирала.

Ну, теперь Чапай точно будет думать. Пять всадников и семь коней бились в агонии перед воротами. Двое ордынцев шлепало к лесу на своих двоих – кривоватых. А то ишь!

Событие одиннадцатое

– Как думаешь, Яромир, они ночью попытаются преодолеть засеку? – вот что плохо в обороне, так это то, что всё время надо штурма ждать. Это выматывает людей, не даёт им отдохнуть. Усталость накапливается и рано или поздно человек может сломаться.

---

[2] ***Использование белого флага закреплено Конвенцией о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 года. (Статья 32, Глава III «О парламентерах»).***

– Знамо пойдут. Не до зимы же им сидеть тут. Зимой назад по степи они сгинут все.

– Справа? Слева? – Коська оглядел фланги крепости. То полукружье, что слева чуть пожиже, чуть пониже. Поленились, или не успели, – Слева? Я бы туда отправил.

– Знамо слева. Понял, княже, всех, кто с луком и самострелами туда пошлю. Спать будут оружно и в броне.

– Поджечь попробуют?

– Знамо попробуют.

– Давай тюфяк туда перенесём. Бочки с водой подготовь и наполни. Ну, а я кулеврины дам команду тоже туда перенести и сам там с обоими пищалями буду.

Осада крепости возможна тогда, когда ресурсы её защитников ограничены. Вот один ресурс здесь точно безграничен. Если с едой может напряг возникнуть… даже не столько с едой, как с фуражом. Хоть и готовились, но семь десятков коней вдруг сверху образовалось. Так вот, с водой проблем нет и быть не может. Пороховой двор построен на берегу речушки, впадающей в Оку. Коська его и строил в надежде расширить и организовать привод мельниц от водяного колеса. Не срослось, колесо лошади вращали. Теперь оборудование всё вывезли, а речку вывезти позабыли, так и бежит, и теперь она частично внутри крепости.

И татаровья явно это увидели и оценили, потому они не будут эту хрень, с их точки зрения, осаждать, они её будут штурмовать. При этом сколько народу внутри они не знают. Более того, они не знают, что сегодня должен из разведки вернуться Демид и с ним совсем не мирные люди будут. Не хлеборобы. Эти столько в жизни повоевали и так вооружены, и подготовлены, что каждый если не десятка простых степняков стоит, то пятерых точно. У каждого личное кладбище из десятков ворогов всех мастей и народностей. Демид не дурак, он в крепость не полезет. Он там, снаружи, чудить будет.

Коська организовал перенос кулеврин и пороха на десяток выстрелов из каждой к левой засеке, посмотрел как установили тюфяк напротив того места, где их запустили, отодвинув ель, и даже организовал тренировку по отодвиганию этого препятствия силами пришедших спасаться от войны крестьян. Нет, убирать и ставить на место не стали, просто по команде люди подбегали и хватались за ствол и ветви дерева. Нужно было добиться слаженных действий, чтобы все за одну ветвь не схватились и не мешали друг дружке.

Разбудили крики, Коська… А, князь Касьян Иванович, естественно, сказал, как начнётся, разбудить его, но не потребовалось. Разглядел кто-то подкрадывающихся к засеке ордынцев и давай вопить. Пятухи если и были, то от зависти сдохли. Вот как надо народ будить, а не их это блеенье.

Дебилы! Нет, ну хотелось бы другое слово использовать, чтобы словарный запас не скукоживался, но если они, эти степняки, дебилы, то чего сущности множить. Они «подкрадывались» с зажженными стрелами. Их в нощи видно. Щит бы придумали тащить перед лучником, чтобы огонь спрятать. Эх, наберут в поджигатели по объявлению на заборе.

Навстречу огонькам полетели стрелы с этой стороны, а потом и одна из кулеврин гавкнула. И огоньки бросились к лесу.

Дебилы! Да бросьте вы стрелы зажженные, вас же видно.

– Прокоп, давай из тюфяка, пока близко, Яромир, относите ель.

Бабах. Каменный дроб придал отступающим нехристям ускорения.

Не, ну классно повоевали. Теперь Чапаю точно думать надо. А то его утопят в Урале за тупость. И за потерю аргамаков, конечно.

Утром пошёл дождь. И плохо, и хорошо. Теперь поджечь засеку ордынцам будет не просто. Но вот стрельба из пушек и кулеврин тоже резко осложнилась. Теперь заряженными эти штуки держать нельзя. А то порох отсыреет. И бочки раскрытыми и готовыми к бою держать нельзя. Коська, конечно, брезент уже сделал, но сырость, она и под брезент залезет.

Ордынцы разбили лагерь на выходе из леса прямо на дороге. Коська раз десять за утро порывался дать команду из всего стреляющего туда шарахнуть. В принципе если под 45 градусов ствол тюфяка расположить, то и он достанет. Вот подарок будет. Но сам же себя отговаривал. Сейчас бусурмане под контролем как бы, их видно. Опять же, ну погибнет десяток человек, да даже два десятка. При пятитысячном войске – это слёзы. И совсем другое дело, если туда товарищ Урук-Тимур из рода Ширин пожалует. Вот тогда, чтобы обезглавить змею, можно и шандарахнуть и даже засветить, то что в крепости не сотня воев, а четыре сотни, можно. Атака такой массой тяжёлой конницы просто сметёт татарский лагерь.

– Подождём твою мать, как певец один пел. Игорёк? Как-то так. Ждём, товарищ Урюк.

Событие двенадцатое

Товарищ с ерихонкой красивой – белохвостой, всё же оказался умнейшим командиром. Это на следующее утро выяснилось. Правда, перед этим «умнейший» узнал одну народную мудрость – и на старуху бывает проруха. Утром при обследовании поля боя оказалось, что ордынцы обезопасили свой лагерь от неожиданной атаки из крепости. Они нарубили кольев и под углом к барбакану закопали их в землю. При этом делали это тихо и уже видимо в сумерках. Не слышно и не видно было этой подготовки.

Молодцы, чего сказать. Вот только они готовились к атаке из крепости, а она последовала совсем с другой стороны… м… с других сторон.

– Рассказывай, Демид… как там? «Ой вы, гости-господа, долго ль ездили? куда? Ладно ль за морем, иль худо? И какое в свете чудо?».

– За каким морем? – напрягся главный партизан.

– Согласен. Перебор. Сначала про утренний бой расскажи.

– Про бой? А чего про бой? Бой и бой. Окружили и покрошили. Захватили шестерых раненых. Упустили вот только десяток. Ай, чего уж. Не партизаны пока стрельцы у дядьки Касьяна. Бьют метко, но не партизаны. Опыта нет, и как ты говоришь, княже, детство в сраке играет.

– В попе. Попа у детей.

– Угум, в ней и играет. Заметили их, крик дозорные подняли, а они вместо того, чтобы продолжать окружение стрелять начали и тоже кричать…

– Не поверишь, из-за этого крика пятеро убитых и два десятка раненых и у меня в дозоре. Рты позашивать! Дебилы!

– Ничто, княже. Оно опыта добавится, и детство из ср… попы выйдет.

– Ладно, ну а теперь рассказывай подробно.

– Так есть рязанцы и поганые и у Серпухова, и у Коломны. Обе крепости держатся пока. Близко не стали подходить, везде разъезды их шныряют, деревушки с селищами грабят, а только слышали, как в Серпухове пушки палят со стен.

– И что даже не убили никого из тех грабителей? – поднял брови Касьян, так это не вязалось с характером Демида.

– Береглись. Всего три отряда порешили и сотни поганых не отправили к их Аллаху в гости. Но это в дальних совсем селищах. Сюда ближе.

– Ясно. Теперь про утренний бой подробнее.

Демид, протянул ерихонку, которую до этого прятал под корзном, Коське.

– Вот – это сотника их. Лично из пищали пристрелил. Да их мало и сотни нет. Сейчас народ разденет и всё внутрь затащит. Хорошая броня. Все в железе. Это не пастухи – это нукеры из ближних к хану. И лошади у них знатные. Из-за лошадей пришлось хитрости всякие применять. Пока охрану вырезали, пока отвели лошадей поглубже в лес, чтобы не пострадали

при бое. Ну, а потом и начали окружать. Ай, чего там. Детство. Чего кричать? Зачем кричать? Выпороть бы.

– Потери есть?

– Не ведаю, княже, Андрию поручил выяснить, а я сюда поспешил, но если и есть, то немного. Сонными взяли в основном. У костров лежали. Вскакивает и пулю или стрелу сразу получает. Только те, кто уже в самом лесу расположились, ушли. Ну, как ушли, без лошадей ушли. В лес нырнули. Туман, хоть и редкий. Плохо видно. Два десятка шагов и уже не видать ничего.

Андрий прибыл с ранеными. Трое стрельцов были со стрелами в ногах. Так-то все в кольчугах и ноги единственное незащищённое место. Но это дело излечимое. Пацаны набросились на раненых и по три минуты каждого пользовали. Коська на это дело поглядел и к Демиду повернулся.

– Нужно нам срочно к источнику. Я пустой и пацаны сейчас сильно потратились. Пока эти пешцы, сбежавшие, до своих доберутся, пока там решат, что делать, пока до сюда доберутся три раза успеем туда-сюда съездить. Давай. Собирай своих. Проводите нас.

Всю дорогу до источника зелёного пламени Касьян свет Иванович опять гадалкой работал. Орлик спокойно рысил по лесной малоезженой дороге и совершенно не мешал парню думать. Очень хотелось бросить к чертям собачьим эту мелкую крепостишку и с аргамаками и всеми воями рвануть в Ростов. Если эдак посчитать, то программу минимум он выполнил. И при этом его эту программу никто не обязывал принимать, он её сам на себя взвалил. Нужно было задержать ордынцев. Так он их точно задержал. Нужно было уменьшить их количество, так если по большому счёту, то его пятьсот воев поубивало около пяти сотен ордынцев. Ну, четыре с половиной это с запасом если считать.

Не собирается же он в одиночку с семью тысячами ворогами справиться.

Так про гадания. Можно не гадать, сбежавшие басурмане доложат товарищу Урук-Тимуру из рода Ширин и про ахалтекинцев, и про гибель этого белохвостого начальника. И про мелкую крепостцу из ёлок, и даже про одну пушку, очень недалеко стреляющую, тоже расскажут. Ну и про ручницы немного. Коська бы на месте правой руки хана Тохтамыша возбудился и отправил все пять тысяч к крепостце этой, и не только из-за коней, хоть это тоже очень важно для беклярибека, главное – орудия и ручницы, их нужно обязательно хану Тохтамышу доставить и это единственный и очень лёгкий способ их добыть. Ведь в такой маленькой крепости, собранной на коленке в гараже, не может быть много ратников. Задавят массой… И вперёд пойдут не его люди, а вои и ополченцы Ивана Пронского, пусть отрабатывает ханский ярлык на Великое княжество Рязанское.

То есть опять гадать не надо Урук-Тимур пригонит сюда всех. И никто Коське на помощь не придёт. Все будут сидеть по своим городкам. Ну и Дмитрий Иванович будет сидеть в Москве, он возможно и двинул бы войска к Коломне, но знать ведь не знает, что тут князь Ростовский Касьян Иванович в помощи нуждается.

– Угум. Демид. Нужно пару человек поопытнее из партизан в Москву с весточкой послать.

Глава 5

Событие тринадцатое

Зарядились сначала парни, а потом и Касьян свет Иванович зелёным пламенем от источника и вернулись в крепость. Коська, чтобы от мыслей по покорению галактики «Млечный путь» отвлечься, стал осматривать трофеи собранные с татаровей, пока они за огоньком катались. Отдельно тот самый бахтерец положили, что был в комплекте с приватизированной им ерихонкой на том злом сотнике, что Аллаха хулил.

Коська пластины на груди покарябал и охренел. Да, кем был этот товарищ?! Пластины были не позолоченные, а золотые. Насчёт «чистого золота» парень был не уверен, но без сомнение – это не позолота. Не, так-то очень сомнительный выверт. Дизайнер может у него и не плохой, а вот материаловед очень ниже среднего. Золото очень мягкий металл. Константин Иванович как-то в районе двухтысячного года, может чуть позже, купил себе золотые часы на золотом же браслете. И чуть не потерял где-то через пару лет. Ушко перетёрлось, браслет распался и часы брякнулись на пол, хорошо это в школе было и линолеум был под ногами. А ежели бы на улице? Всё тысяча евриков коту под хвост.

А сейчас, если стрела угодит в эту пластину, то пробьёт ведь. А они – эти золотые пластинки, прямо против сердца. Правда, кольчуга и так не спасла хозяина. В спину попала картечь сотнику и там три дырки образовалась. Починить не сложно. Коська на себя её прикинул. Маловата будет. В плечах нормально, а вот объема груди и длины не хватает. Не дорос бывший хозяин до богатурских стандартов, каши в детстве мало ел, или чего они там в степях едят? кумыса не хватило. Нужно будет отдать мастеру Игнату переделать под его размеры. Воевать в такой нельзя. У него сейчас из проволоки с использованием оранжевого пламени кольчуга собрана, а это простое мягкое железо и тоже мягкое, хоть и не простое, золото, зато на парад куда в такой не стыдно показаться. В солнечный день можно зайчики грудями пущать.

– Княже, разведка вернулась от Коломны, – отвлёк его от бриллиантового дыма Касьяна воевода Яромир.

– Быстро. Давай их сюда.

Ага! А чего? Чего хотел? Ну, ешь полной ложкой. Ордынцы парни шустрые, как понос. Уже бросили осаждать и штурмовать Коломну и движутся сюда. Потому разведка и вернулась так быстро, что встретила супостата на половине уже дороги, еще полчаса, ну, час и здесь будет.

– Встретите? – повернулся Коська к Демиду.

Тот уже на жеребца залазил. С подставки. Нога чуть побаливает, да и железа на нём не менее двадцати кило.

– Как не встретить, а то заблудятся в лесу.

Ворота открыли, и партизаны с лучниками потянулись по дороге к лесу. Вышлют бусурмане разведку? Знамо дело вышлют… Хотя. Они этого выпускника чингисидовской академии отправили в Ад, может там у ордынцев таких умных и не осталось?! Попрут всем кагалом с песнями и плясками вприсядку.

Дождь прекратился, но ясной и солнечной погоду не назовёшь. Пасмурно и сыро, а ещё прохладно, словно осень раньше времени началась. Тем не менее, Коська решил всё, что стреляет, зарядить. Чтобы было всё готово к штурму без спешки всякой. Это за день порох в стволе может напитаться влагой и не выстрелить. Тут же через час товарищи пожалуют, да даже через два, если их партизаны серьёзно задержат, за такое время с порохом ничего не случится. И в

этот раз, коль татаровей будет полно, то не стоит хитрить с дальностью стрельбы, чем дальше они будут от крепости, тем лучше, сразу нужно жахнуть по ним, как из леса покажутся.

Выстрелы к западу от крепостцы все услышали где-то через полчаса, как Касьян и думал. Гремело долго и гром приближался к ним. Тут понятно всё, Демид и иже с ним отступают к крепости, отстреливаясь из всего, что имеется. Поражало, что татаровей не пугали выстрелы. Они явно продолжали теснить его людей, раз выстрелы становились всё громче и всё ближе.

– Открывайте ворота! – примчался к барбакану посыльный от Демида на хрипящем жеребце.

– Открывайте, – скомандовал Касьян.

И только ворота открылись, как из леса потянулись всадники, понукая лошадей, спешили оторваться от преследования. Демид с Андрием въехали последними и помогли запереть ворота.

А из леса уже неслись всадники.

– Огонь! – Коська на этот раз рот заранее открыл, а то эти фанаты бахнут опять не предупредив.

– Триста тридцать три!

Бабах. Бах. Бах. Бах. Единорог и все три кулеврины отправили в приближающихся ордынцев картечь.

Ого, удачно как! Из Единорога четыре кило железных обрезков попали прямо в центр катящейся к воротам лавы. И первые ряды просто снесло, а потом следующие стали кувыркаться, запинаясь о трупы и раненых. Куча-мала знатная вышла.

– Заряжай! Все! Огонь по готовности! – бросил радоваться князь Ростовский. Нужно, пока прёт и тут такая сумятица организовалась, собрать побольше урожай. Жатва пошла.

Сам парень тоже стоял за щитом на барбакане… подальше на всякий случай от Единорога, с заряженной длинноствольной пищалью. Стреляет метров на двести, но на таком расстоянии – это пуля свинцовая, а картечь хорошо если на пятьдесят метров убойную силу сохраняет. Пока всадники эту черту не преодолели.

Коська перевёл взгляд на лес, из которого выезжали басурмане. Ничего не изменилось, дорога продолжала выдавливать из темноты леса всё новые и новые группы всадников, их теперь скопилось уже прилично, и не вмещаясь на дороге, лошади стали сбиваться на вырубку. Ох зря. Ох-хо, как зря. Там какая-то сволочь между пеньками навязала верёвок и травой их замаскировала. Ну, разве так можно с бедными лошадками. Они запинались и падали на вбитые в землю колышки острые. Тоже по приказу какого-то ненавидящего лошадей субъекта в землю вбили. Люди тоже падали с лошадками и тоже на острые колышки. Ну людям чего, многие в броне, пусть даже и кожаной, обшитой железными пластина. Людей не жалко, они приехали за тридевять земель умирать. А лошадки ведь существа подневольные. А тут колья, впивающиеся в бока или круп, или вообще между рёбер. Из мести лошадки старались упасть так, чтобы ненавистного всадника под себя подмять или хоть копытом тому по хребту заехать, хоть какое-то им будет утешение в их лошадином раю, знать будут, что того гада, что её плёткой всё время хлестал, отправила в Ад.

Событие четырнадцатое

– Вот теперь пора, – Коська установил ствол пищали в прорезь щита, которым от стрел прикрывался, и поднёс тлеющий трут к фитилю.

Стрелять можно не целясь, от леса по усыпанной уже трупами людей и лошадей дороге кучно ехали ордынцы, на ходу обстреливая барбакан из луков. Разогнаться степняки не могли, поняли уже, что вокруг дороги шайтан-урусы ловушек понастроили и выезжать за её пределы и особенно на скорости – чревато. Но и дорога не автобан. Она и ранеными, и трупами теплыми

ещё, уже густо так припорошена и можно ехать только шагом, объезжая препятствия… теплые ещё.

Бах. Касьян всё же выбрал цель. Этот воин был тоже в ерихонке с хвостом, только у этого не белые волосы были в навершие шелома, а рыжие, да ещё видно подкрашены в цвет Коськиной шевелюры, почти красными смотрелись. Не промахнулся. Всадник без картинных маханий руками, или как любят в кино показывать, с застревание ноги в стремени и волочением по земле, просто сполз с лошади и грохнулся о размякшую после дождя глину дороги.

А стрелы густо летели. Выглянуть и посмотреть, во что его щит превратился, парень не решался, но тюкали и тюкали в него стрелы, там настоящий ёжик должно быть образовался.

Бабах. Единорог рявкнул в третий раз и почти сразу оттуда крики послышались. Можно не оглядываясь сказать, что произошло. Это не двадцатый век и щит перед орудием почти не поможет. У артиллерии сейчас дульное заряжание. На кораблях гораздо позже появятся порты. Открыл, выстрелил, орудие откатилось, закрыл и заряжай. Есть ведь умные люди. А вот Касьян свет Иванович до такого не додумался, просто два щита поставил с небольшим промежутком для ствола. И в этот-то промежуток, видимо, стрела и залетела, когда Прокоп стал банить ствол.

У кулеврины, что на стене те же проблемы и только те, что в надвратных башенках нормально защищены от стрел.

– Егорка! – давай сюда быстро, – Раненым займись.

Коська команду дал, а сам ни на секунду не отвлёкся, заряжая пищаль следующим мешочком с порохом. Теперь пыж, теперь горсть картечи, снова пыж. Заряжать стало в два раза дольше. Орудие бахнуло на секунду раньше. Чуть не сбило парню прицел. Пришлось выдохнуть и ещё раз совместить мушку с прорезью в хомуте, что ствол охватывал. Так себе приспособление. Но если целой гостью картечи стреляешь с тридцати метров, то этого вполне хватит.

Бабах. На этот раз Касьян выбрал ордынца в малахае. Выбрал по габаритам. С него, наверное, ростом и в плечах шире, настоящий богатур, а то всё степняков изображают маленькими и кривоногими, а тут вон какой боров. Ухудшить надо генофонд.

Воины остановились метрах в двадцати от барбакана и принялись ещё интенсивнее обстреливать стоящих за щитами на его площадке.

Бах. Бах. Бах. Это вступили в бой партизаны. Одновременный поток картечи сразу из двадцати стволов прямо на глазах проредил ряды самих смелых, тех, что ближе всего к воротам подъехали. И тут ещё и с нашей стороны стрелы полетели. Так-то стрелки дядьки Касьяна, должны были бдеть у засеки левой, но Коська видел, что его шалость с веревками между пнями и колышками удалась на все пять балов. Несколько десятков ордынцев с лошадьми в эту ловушку попалось. И командиры басурменские спешили людей и отправили их на разминирование. И брат Касторий резонно рассудив, что дело это не быстрое, и чего без дела стрельцам простаивать, отправил их на стену. Пять десятков стрел каждые несколько секунд мигом изменили условия игры. Теперь ордынцы стали играть в новую. Интересная. Они пытались, прикрываясь щитами, убраться подальше от крепости. Проигрышная тактика, стрелы летели с разных мест, и укрывшись от одной, тут же получаешь две другие. И не попала стрела в защищённый кольчугой или кожаным доспехом корпус, так вонзится в ногу или в лошадь. Один чёрт упадёшь. И пока будешь выбираться из-под коня тебя в ежик превратят.

Бах. Коська выстрелил и потрогал ствол. Всё. Генуг. А то бабахнет прямо в лицо при заряжании, до того бронза раскалилась.

– Что там? – Касьян, продолжая прикрываться щитами, пробежал к бомбардирам.

– Двое ранены, княже! – прогудел Прокоп, – Я и Сенька. Я в плечо, а Сенька в зад. Позорное ранение.

– Дебил, ты хоть и раненый. Он же не убегал. Я видел, когда парня ранили, он из бочки картуз доставал.

– Это ты видел, а люд-то, люд-то не видел. Смеяться будет, – пробухтел, морщась главный артиллерист.

– Наградим красными революционными шароварами… Нда. Медаль отчеканим за оборону… м… Пороховой вежи. Что с ними, Егорка?

– Нормально всё, Касьян Иванович. Царапины. Кольчуга и у того, и у другого силу на себя стрелы забрала. Даже резать не пришлось. Так наконечники достал, водой промыл, три минуты пламя подержал и повязку с обеззараживающей мазью наложил. Крови почти не потеряли.

– Ну, нормально. Больше нет раненых?

– Демида опять ранили. Тоже царапина. В плечо стрела угодила. Так он не дался даже, продолжил стрелять, – обиженно глянул за спину парнишка, словно Демид у него петушка сахарного на палочке отобрал.

– Сейчас займись. Демид, кольчугу снимай. Успеешь повоевать. Тут эта свистопляска не на один день. Все навоюемся.

Событие пятнадцатое

Между тем «сапёры» подобрались на расстояние, которое уже, по крайней мере, если навесом стрелять, стало доступно лучникам и пять десятков стрел улетело из-за засеки навстречу смельчакам. И тут смелость их – это сапёров басурманских, покинула. Потеряв убитыми и ранеными половину состава «сапёры» бросились к лесу и по дороге ещё несколько человек осталось лежать между пеньками. Если их было десятка три, то до леса в лучшем случае десяток добежал.

Коська ожидал, что их там плетьми отстегают, децимацию проведут и снова на убой погонят, но нет. Побурлило немного на опушке и этим всё закончилось. Берегут людей аксакалы. Знают, что подкрепления не будет.

– Ночью в темноте снимут наши верёвки и колышки выкопают. Осторожные стали. Ночью могут и снова попытаться поджечь. Дождя явно больше не будет, высохнет хвоя, – поделился догадками воевода Яромир.

– И я так думаю. Дурень я, не догадался пластинок железных навешать на некоторые верёвки. Они бы зазвенели, и стрельцы на звук отстрелялись.

– Так сейчас послать! – вскинулся боярин.

– Не, они большую часть пути расчистили, теперь могут подскакать и обстрелять наших. Ладно. Подождём до ночи. Есть у меня один козырь в рукаве…

– Чего в рукаве, княже? – Яромир уставился на рукава рубахи под наручами.

– Мысль есть, как проредить чуть их ряды ночью.

Не, прожекторов Касьян свет Иванович не изобрёл. Единорог, зато изобрёл. Ясно же как там будут действовать. Соберётся опять человек тридцать – сорок на опушке и на карачках полезут на вырубку. И вот тут…

Бабах.

Стеганули картечью по опушке. Попали или нет не очень понятно. Луны на небе нет. Пасмурно, а вспышка вылетевшая вместе с кусочками железа из ствола пушки не осветила лес в трёх сотнях метрах. Не гиперболоид инженера Гарина.

Через пару часов ещё раз бабахнули, и чтобы за промежуток поганые не зацепились в третий раз выстрелили через пятнадцать минут. Возможно, что просто дорогущий порох и ещё более дорогую железную картечь сожгли без всякой пользы, но показалось или внушил себе Касьян, что при втором выстреле крики от леса донеслись. Могло показаться, после выстрела в ушах знатно шумело. Опять Прокоп не триста тридцатнул. Сволочь патлатая.

Утром все были на ногах и ждали повторного штурма. И он последовал. Вот только явно ночью к верёвкам с колышками «сапёры» не добрались. Так как доехав до мёртвых соотечественников на вырубе всадники остановились и принялись осыпать засеку стрелами.

– Прокоп? М… а ведь достанем? Давай полуторный заряд, – оценил расстояние князь Касьян свет Иванович.

– Боязно, княже.

– Волков… Чтоб волков нам не бояться, надо утром похмеляться. Слышал такую пословицу? Пользуйся. Давай, заряжай.

Бабах. Сволочь. Опять ведь, про триста тридцать три не сказал. Хорошо Касьян за ним наблюдал и вовремя рот открыл и вовремя подальше отошёл и даже уши руками прикрыл, хоть и был в ерихонке с белым хвостом.

Пушку не разорвало. Ну и ущерб особый поганым не нанесли. Упало два всадника и три лошади. Зато криков и прочего ора было, будто дивизию ранили. И степняки бросились к лесу. Вот, что порох животворящий делает!

Час где-то в лесу соображали, что делать дальше. Коська тоже. Басурмане же не знают, что тут огромное по местным меркам войско сосредоточено. Мелкая непонятная крепостишка странная, ну пусть сотни полторы челдобреков и часть из них ополченцы. Да, есть пушка и три пукалки. Если навалиться всем кагалом, то просто правоверные сметут этих неверных, посмевших на святое, на аргамаков, покуситься. Так должен думать Урук-Тимур.

– Сейчас спешатся и пойдут на штурм засеки, а их с той дистанции, где мы их обстреляли будет сотня конных стрелами прикрывать, – озвучил вывод Касьян.

И именно в это время из леса покатила серая волна. Точно, степняки спешились и, запинаясь о высокую траву и оставшиеся ещё кое-где верёвки, понеслись к засеке.

– Демид, все туда. Я с вами спущусь. Много поганых. Прокоп, как всадники подъедут ещё раз полуторным зарядом жахни. Один раз. И смотрите на дорогу, а то и отсюда повалят. Егорка, собирай всех и прикрывшись щитами к засеке выдвигайтесь. Яромир. Тащите тюфяк к проёму, где вчера тренировались. Ну и лучников всех на левый фланг. И длинные копья подтащите из крепости. Чувствую хорошая там заруба намечается.

– Княже, ты не ходи… – хором и Демид и Яромир шумнули.

– Отставить!

– Княже, неспокойно мне, – продолжил Демид.

– Останься тут, Касьян Иванович, – насупил брови воевода.

– Да? Ну, ладно, стрелять и отсюда можно.

И ведь как в колодец плюнул, ай в воду смотрел. Нда. Не плюй в колодец: вылетит – не поймаешь.

В общем, только Коська это сказал, как и по дороге к барбакану всадники ломанулись.

– Княже? – остановился Демид.

– Иди уже. Тут пушка есть. Вот, здесь она полезней. А там бесполезней. Иди, говорю!

Сложно совмещать неприятное с бесполезным.

Глава 6

Событие шестнадцатое

А чего они дернули к воротам? Вопрос? Касьян свет Иванович на секунду от боя у ворот отвлёкся, и не как стрелок из пищали на это глянул, а как командир крепости. Отвлекающий манёвр? Хитрецы хитрющие. Стратеги тактические. Чтобы пушка не била по тем всадника на вырубе, что прикрывают стрелами пешцев, атакующих засеку, они этот дебильный наскок организовали? Дорогое удовольствие. Уже пару десятков добавилось к чуть не сотни и без оных имеющихся трупов. Ну, или раненых тяжело, раз на месте остались. В современных условиях тяжёлая рана – это тоже смерть, только отложенная – мучительная. Но ведь другого объяснения нет. Если бы таран там был у товарищей или лестницы, то можно было бы это плохо подготовленным штурмом обозвать, но ведь нет. Ордынцы подскакивали к барбакану и обстреливали его из луков. Ну, сколько попаданий уже? Как посчитать, по убитым и раненым с нашенской стороны. Ага. Ноль. А с той стороны после трёх выстрелов из Единорога и четырёх или пяти из кулеврин точно два десятка убитых и раненых. Скорее три. И в чём тогда цимес? Только отвлечь от штурма засеки.

– Прокоп, давай полуторным зарядом по вырубу ещё раз стрельнём. Орудие нагрелось, бронза пластичнее стала, не должно разорвать.

– Ох, княже. Гыр-быр-мыр-рокфор-тандыр, – пробубнил чего-то нерусское под нос себе патлатый командир орудия.

Товарищ этот с интересной судьбой. Был в одной из битв с погаными юнцом совсем захвачен теми в плен, и пять лет в Орде рабствовал… рабом был. Сбежал и через Украину, которую так пока никто не называет, и Литву нищенствуя и берясь за любую работу, чтобы прокормиться, добрался до Ростова Великого. Ну, а тут набор в артиллерию, князь новый Касьян Иванович организовал. Брали туда, понятно, обломов, а Прокоп среди обломов – облом. Чуть не два метра ростом и в плечах не меньше, Скала Джонс и прочие Халки Хоганы нервно курят гашиш в сторонке и думают, что глюк. Из плена здоровяк вынес знание ругательств на татарском. Мало ему русского продвинутого мата, так он ещё и зарубежный вставляет.

– А я сказал, горбатый! Разворачивай свой карамультук. Жахнем, отпугнём и снова охотой по воробьям займёшься.

Бабах. А неплохо получилось. Главное – орудие выдержало и даже отдачей с довольно узкого барбакана его не сбросило. Удержали верёвки и в этот раз, хоть на самом краешке. И выстрел всуе не канул. Удачно картечью по флангу хлестануло. Десяток смело. Четыре с половиной кило рубленных гвоздей лучше любой метлы сработали. Сенька – это наводчик у Прокопа даже присвистнул, высунувшись из-за щита, глядя на дело рук своих. Коська его за подол рубахи дёрнул, затаскивая назад. И вовремя дёрнул, мимо несколько стрел свистнуло. Блин со всех сторон посвистывают.

– Не свисти, денег не будет! Ну, а теперь по партеру стрельнём. Разворачивай, эвон сколько накопилось.

На самом деле подле ворот человек двадцать скопилось, и ведь не сидели на коняшках сложа руки, нет, пулялись стрелами супостаты. И это раздражало. Нет, стрелы над ухом не свистели, утерян сей секрет или экономили паразиты? Зато они тюкали и тюкали в щиты, прямо барабанный бой. И тюкали столь интенсивно, что и танец с саблями Хачатуряна покажется колыбельной.

Касьян свет Иванович длинную пищаль отложил, она опять раскалилась и сунь он сейчас туда мешочек с порохом так тот может и вспыхнуть сразу. Да и не нужна сейчас длинноствольная ручница, всего в двадцати метрах поганые, и до них спокойно и картечь из короткоствольной долетит. Её и заряжать быстрее, а если второй пыж, чтобы картечь не высыпалась, не забивать в ствол, то и совсем быстро получится. Стрелял он конечно вниз, но не целясь почти зарядил, опустил ствол и пали, в кого-нибудь да попадёшь. Чем вон тот на рыжей лошади лучше вон того на серой?

Бабах. Отдачей плечо через подушечку, набитую конским волосом, отсушило. Всё же калибр солидный. Коська, пока перезаряжал, выбрал мгновение, орудуя шомполом, и глянул на засеку в прорезь в щите. Не, всё, нужно туда бежать, здесь поганым ничего не светит, а там уже до рукопашной схватки дошло. Ратники длинными копьями сбивают с веток елей лезущих внутрь ордынцев. Пока справляются, и лучники активно прореживают контингент басурманский, но лишней его выстрел, пусть даже раз в минуту, не будет.

– Яромир… ай… Силантий, за старшего. Твоя задача пинать этих смельчаков, чтобы из-за щитов не выскакивали. Кого убьют с тебя спрошу, – выкрикнул Коська в лицо подскочившему боярину и, подхватив сидор с припасами, скатился вниз по лестнице крутой.

Силантий – это сын Акинфия Горбатого. В отличие от батяньки вполне себе стройный. Мясца бы добавить и богатырём можно назвать, зато командир прирождённый. Эдакий сержант из американских фильмов про обучение молодняка. Как рыкнет, как… замахнётся, все сразу в чувство приходят. А ещё совсем не дурак. Справится.

До засеки нужно преодолеть саму крепость вдоль забора и потом ещё по вырубу метров сто бежать. Так что Коська примча… притащился туда еле живой и мокрый как… в общем насквозь. Это же не в трусах и майке бежать – это как минимум два десятка кило железа на себе в виде брони и оружия тащить, плюс мешок с припасами для стрельбы ещё килограмм пять, да ерихонка новая, плохо подогнанная к войлочному подшлемнику, сползает на глаза, чуть великовата оказалась. Умный и большеголовый был тот сотник – выпускник чингисидовской академии.

– Демид, вон видишь с того краю лезут активней, давай со мной туда десяток партизан, а то не удержим, – а чего сверху-то виднее было, почему не покомандовать.

– Андрий, со своим десятком за князем.

Коська заметил, что и главный партизан перешёл на короткую ручницу, а пищаль длинноствольная лежит в траве под ногами и парит. Ох, останутся они скоро без огнестрельного оружия.

Ещё метров пятьдесят забега на самый край засеки. Есть, блин, у степняков командиры, заметили самое слабое место и отправили сюда побольше воев, а Яромир увлёкся тыканием копьём в поганых и пропустил это дело, да и Коська почти пропустил и тоже стрельбой увлёкся. Теперь бы успеть исправить.

Мешочек пороха в ствол, пыж, картечи горсть. Вон в того. Благо фитиль не погас. Бабах.

Бах. Бах. Загрохотало от парня со всех сторон, и почти прорвавшиеся в этом месте ордынцы повисли на ветвях корявой сосны, а несколько и на эту сторону по инерции свалились и даже один легкораненый, выхватив из ножен саблю бросился на ближайшего стрелка. Но не добежал, Яромир как раз подоспел и нанизал счастливчика на свое чуть не четырёхметровое копьё.

– Фух, опять лезут, княже!!! – пытаясь высвободить лезвие глефы из тела ордынца, заорал воевода.

Точно на верх по сучьям и веткам карабкался следующий десяток. Коська упёр приклад в землю и потянулся за мешочком с порохом.

Бах. Бах. То ли отставшие, то ли наоборот самые расторопные вовремя прямо в упор разрядили свои ручницы. И тут ещё и лучников десяток подоспел во главе с дядькой Касьяном.

Бах.

Коська шмальнул по взобравшемуся на самую верхотуру степняку, и тот свалился в гущу ветвей.

Бах. Бах. Посыпались и остальные приматы.

– Фух, еле отбились, – ногой пытался стащить с наконечника копья очередного татарина воевода.

– Не расслабляемся. Зарядить пищали, – гаркнул Коська на партизан. – Справа теперь лезут.

Событие семнадцатое

Бабах. Пушка на маленьких колёсиках отлетела назад и перевернулась. Хорошо, не пушка, а пушечка, а точнее тюфяк. Его принесли, зарядили и стояли тюфянчеи и ждали, когда же их черёд настанет.

– Давай, относи! – Коська чуть сам не побежал, чтобы за ветку схватиться.

Устал просто, а то бы побежал. Дерево потянули на себя, и как только проём в районе метра образовался, тюфяк пригоршню щебёнки в поганых кашлянул. Не важно убил он там кого-нибудь или покалечил только, важен психологический эффект. Значит, плохо всё у сынов Аллаха, и тут у шайтанов есть пушки и отсюда могут стрельнуть. Это не та же самая пушка, что на барбакане. Бабах, вон та на месте и по-прежнему стреляет, каждым выстрелом обрывая несколько жизней правоверных. Нет, не может Аллах быть на стороне этих свиноедов. Просто это он своим верным сынам испытание назначил, кто пройдёт, тот заслужит награду, а кто погибнет, тот попадёт напрямую в рай с пирами и девственницами гуриями. Со всех сторон хорошо.

В проём, как и ожидали, все басурмане, что были поблизости, хлынули. И получили сначала две горсти щебёнки в рыло, а потом залп из десяти пищалей. Завершил огненный шквал, совсем не огненный, но не менее действенный, залп из трёх десятков луков. После этого волшебная дверь, из которой так и сыпались подарки, закрылась. Закрылась с трудом, так как на дороге у этой калитки пару десятков убитых и раненых степняков прилегло. На них сверху и пришлось комель ели взгромоздить на пару десятков сантиметров стена стала выше.

Коська присел на пенёк и принялся механически, не думая, заряжать малую или короткую ручницу. Длинноствольная как бы сломалась. Винт, что крепил хреновику, которая заменяла замок, вырвался из приклада, и вся конструкция сломалась. С одной стороны плохо, но если припрёт, то можно и напрямую фитиль подносить к полке и затравочному отверстию. Правда, целиться будет неудобно. Но за последние выстрелов двадцать выяснилось, что сейчас эта опция была избыточной. Столько поганых перед засекой скопилось, что промахнуться нужно постараться.

Заряжалось с трудом и с неохотой. И с тревогой ещё. Это был предпоследний мешочек с порохом. Не, пороха ещё с запасом для пищалей, но вот фасованного в шёлк тончайший, в кисею, больше не было. А ведь их пять десятков Сашка с Ириной, с женой, ему наделали. Отправил ли он на тот свет уже сорок восемь ордынцев? Блин, страшная цифра. Пять десятков человек. Сидели бы спокойно в своей степи, овечек разводили, коней, нет, нужно идти грабить урусов за тысячу километров. И конца этому не будет. Только Екатерина остановит. Это сколько ещё лет? Да чего лет. Это сколько ещё веков?! Если память не изменяет, то 1783 год, год присоединения Крыма. Ровно четыре сотни лет ещё будут степняки грабить и убивать русских людей. В рабство уводить. Ну, нет, шалишь. Его сюда, наверное, и прислали сократить с четырёх веков… ну, лет до сорока.

– Уходят, княже! Отходят! – перед Коськой нарисовался Егорка.

– Хорошо, на пальни им в спину, – Касьян свет Иванович протянул парню малую ручницу.

Не, не в первый раз в жизни. Как и все новики эти пятеро лекарей не неженками воспитывались. Стреляли вместе с лучниками брата Кастория, бабахали с партизанами Демида, бегали маршброски с князем. Спецназовцами не стали и пищали им не положены, обходились саблей татарской трофейной и ещё им каждому Коська из неприкосновенных запасов выдал кинжалы снятые с убитых рыцарей немецких. Золингеновская сталь. Не его валерийская, но тоже не самая плохая.

Бабах. И довольный, сияющий, как начищенный пятак той же матушки Екатерины, Егорка возвращается от засеки.

– Отбились, – к князю и Яромир пошатываясь и запинаясь подбрёл, – ещё бы чуть и дрогнули.

– Угум. Надо ранеными заняться. Егорка, что с ранеными?

– Пустой я, княже и все парни пустые. Десятка два ещё тех, на кого сил не хватило. Их пока перевязали и мази на раны нанесли.

– Есть тяжёлые? – Коська бы лёг, а надо вставать. Надо идти людей лечить.

Событие восемнадцатое

Истратив до последнего всполоха свою энергию, Коська оглядел очередь из раненых. Блин, ещё полтора десятка. Он практически не уменьшил её. Вылечил трёх тяжелораненых и троих всего легко. И всё, кердык. Нужно идти… бежать… красться подзаряжаться. Тут не так ведь и далеко. Пороховой завод выстроен на берегу речки Желемы – притока Оки, и в пяти сотнях метров от лагеря нашёлся источник зелёного огня. В обычное время пробежка на пару минут по лесной тропинке. Но попробуй определить не понаставили ли дозоров поганые за каждым кустом. Вон их сколько понаехало, горы трупов на вырубке. Сотни три – четыре точно нападанцы положили. Просто замечательное соотношение пока, восемь всего убитых у князя Ростовского в войске и горы с той стороны. При этом есть ведь ещё и раненые и их по всем правилам войны всегда больше, чем убитых. Так Коська своих подлатал… ну, почти подлатал, а вот басурмане пятёрки таких лекарей в своих рядах точно не имеют, да даже если и имеют, то источник ещё найти надо. Касьян себя исключением не считал, может и не самый он крутой в мире хельг, возможно кто-то за границами Отечества и синей энергией научился пользоваться, но для этого чтобы её применять нужно знать, где находятся источники, а в чужих лесах попробуй найди.

– Демид полчаса на отдых вам и пойдём к источнику. Нужно раненых лечить.

Желема, в отличие от всех остальных речек, почти прямая. Ну, не стрела, конечно, но и не как змея. Всего-то один изгиб и есть недалеко от порохового завода. И там как раз нашёлся приличный по размерам зелёный костерок. Пробирались вперёд партизаны осторожно. Сначала во все стороны ушли двойки дозоров, потом прошёл основной отряд ещё раз всё проверив, и только потом в сопровождении десятка лучников пошли Коська и парнями лекарями. Поганые не подвели, оставили засады, но где им до настоящих лесовиков. Они и лес то только на картинке видели. Тем более такой плотный и заболоченный. Оставили следы, переполошили сорок, и расположились на небольшом пригорке. И сухо и «нам сверху видно всё, ты так и знай». По сорокам их Андрий и вычислил, подобрались диверсанты и перестреляли из арбалетов. Лук мог и не пробить кольчугу.

Немного всё же нашумели и Демид поторопил Коську.

– Вы там споро, княже, а то не дай Господь пришлют поганые сотню проверить, что тут за шум.

– Это вряд ли, не до того им сейчас, но поторопимся.

Полностью засечную крепость ордынцы не окружили. Полукруг такой со стороны Оки организовали, а сильно в лес не полезли. Даже если и пошлют кого, то им с километр сюда добираться.

Коська первым руку сунул, получил пощечину, получил воду из фляги в физию, и очухавшись, отошёл от парней, посмотреть, что вокруг творится. И чуть не в десяти метрах от зелёного костра увидел ручеёк, который из-за холмика не к Желеме бежал, а в противоположную сторону.

Интересно Касьяну стал, что за выверт такой геодезический, и он, пока парни подзаряжались, решил вдоль него прогуляться, ну и на всякий случай, вдруг ещё один костерок зелёный найдётся поближе к лагерю, включил магическое зрение. Ничего не было.

Парень решил уже возвращаться, и Демид, топая за ним, поторапливал, когда, глянув под большую пихту, увидел костерок. Увидел шагнул и офигел. Встал с открытым ртом. Под деревом, почти спрятавшись в пушистых раскидистых нижних ветвях, извивались всполохи не зелёного, а синего пламени. Со стороны бы и не заметил. Да и не включи заранее магическое зрение, точно бы даже не заподозрил, что среди ветвей огоньки трепыхаются.

Коська замер перед пихтой. Нет, он сейчас не мог зачерпнуть непонятной ему пока синей энергии. И аккумулятор полон и не время, сейчас еле хватит энергии, что они набрали, на лечение уже имеющихся раненых, а ведь завтра можно не сомневаться, поганые опять на штурм пойдут и подготовятся лучше и лестницы для штурма барбакана свяжут и щиты из прутьев сплетут, чтобы под их прикрытием, не понеся потерь, подобраться к засеке.

Набрать не мог и даже не собирался. И пацаны уже набрали зелёной энергии, а вот запомнить место и, если бог даст, поганых одолеют, то вот на обратную дорогу к Ростову зачерпнуть из синего костерка не просто нужно, а обязательно нужно. А ещё нужно ехать домой не напрямую, а через Серпухов, чтобы все ученики набрали жёлтой энергии. В дороге ему столько интересных экспериментов удалось придумать с растениями и семенами, что за один раз может и не хватить. Ну, да, ничего, если поганых нагонят назад в степи, то дорога от Ростова до Серпухова станет практически безопасной, а с учётом того, что через каждые тридцать вёрст будет крепость со станцией или ямой, где можно лошадей поменять, то и быстрой. Три станции на свежих лошадях вполне можно за день проехать. А это сто километров в сутки.

Теперь главное отбиться от ордынцев, ну и власть в Великом княжестве Рязанском поменять.

Глава 7

Событие девятнадцатое

– Добивай уже, – Коська с барбакана посматривал в лес на татаровей искоса и выслушивал доклады всяких мелких и не очень мелких… упитанных начальников. Получалось, что отбиться-то они отбились от двух штурмов и одного наскока на Пороховую Вежу, но вот с припасами дела обстоят кисло, и удастся ли следующее нападение пережить здоровенький такой вопросительный знак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.